

9(с16) Т. А. Дзидзария
9(с16) (412)
Д485

Декабристы в

Абхазии

изд-во "Алашара"
Сухуми - 1970

Редактор
Л. Р. ГОЛЬДИНОВ

1
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
ИМ. В. И. ЛЕНИНА
1970 г.

~~29774~~

99M148 (инс.)

Кабардино-Балкарский
государственный
БИБЛИОТЕКА

ВМЕСТО
ПРЕДИСЛОВИЯ

Кавказ играл совершенно особенную роль в истории русского общества и русской литературы.

Кавказ XIX века — это Пушкин и Грибоедов, это Лермонтов и Толстой, это декабристы — Одоевский и Бесугжев-Марлинский, это значительная часть лиц, входящих в наше сознание в пушкинское окружение, это первые, часто романтические страницы русских литературных связей с Кавказом.

Кавказ, в особенности первой половины XIX века, — это место военной службы многих русских людей, тогда же, в годы этой своей службы на Кавказе, или впоследствии, прославивших себя в истории русской культуры.

Колонизаторская политика русского царизма по отношению к горцам Кавказа ставила сложные политические и нравственные проблемы перед теми передовыми деятелями русской

921699

Кабардино-Балкарский
государственный
БИБЛИОТЕКА

культуры, которые, будучи по долгу военной службы винтиками русской императорской военной машины, в то же время имели свой собственный взгляд на вещи — и на горцев Кавказа, в покорении которых они так или иначе участвовали, и на будущие судьбы России, и на императорский режим, и на современное им русское общество.

В особенно сложном положении оказались на Кавказе сосланные туда декабристы, разжалованные в солдаты и заново выслужившиеся из солдат в первые офицерские чины.

Небольшое по объему, но полное новых и интересных фактов и исторических наблюдений, исследование абхазского историка Георгия Дзидзария дает немало материала для размышлений и над судьбами Абхазии и всего восточного побережья Черного моря во второй четверти прошлого столетия, и над судьбами многих, чаще всего, не своей волей оказавшихся в то время в этих краях переломных людей России.

Декабристы в Абхазии — не только любопытная и пока еще недостаточно исследованная страница истории этого замечательного уголка нашей Родины, но и одна из слож-

и трагических страниц истории русской культуры.

Двойственность положения ссыльных декабристов, их участие в военных действиях русских войск против исконных жителей края, с одной стороны, их первые дружественные связи с жителями края — с другой, их личное свободолобие и свободомыслие и их прикованность к своим военным обязанностям, их взгляды на все происходящее, носившее на себе печать многих неустрашимых противоречий, — обо всем этом думаешь читая маленькую, но очень весомую по своему значению книжку профессора Дзидзария.

И как знать, не подтолкнет ли она кого-то из русских, абхазских или грузинских писателей к разработке этой же интереснейшей темы, но уже средствами художественными.

Я, во всяком случае, именно с такой мыслью закрывал эту книжку, которую мне от души хочется рекомендовать самому широкому кругу любознательных читателей.

Константин Симонов

Сухуми,
1969.

Вопрос о пребывании декабристов на Кавказе не случайно привлекает внимание многих исследователей. Изучение деятельности декабристов и их единомышленников на земле кавказских народов раскрывает прогрессивную роль передовых людей России, подлинно дружеские отношения, которые установились между ними и свободолюбивыми народами этого древнего края в первые десятилетия XIX века.

В настоящей работе ставится цель осветить указанную тему в рамках Абхазии и частично всего Западного Кавказа в целом. В подобном разрезе она не была еще объектом исследования. Между тем с этим краем связаны весьма любопытные факты. Здесь находились многие деятели декабристского движения и примыкавшие к ним лица, а также участники польской национально-освободительной борьбы.

Речь идет не только о дворянских революционерах-офицерах, но и о рядовых солдатах-декабристах. Правда, об этих «нижних чинах»,

к сожалению, нет подробных сведений¹. Вообще, по справедливому замечанию профессора М. Н. Гернета, «о пребывании декабристов на Кавказе нам известно очень мало»². Между тем в рядах Отдельного Кавказского корпуса в 1827 году, например, насчитывалось не менее 2 800 солдат-декабристов, в том числе служивших на территории Западного Кавказа, в частности, в Абхазии. Здесь среди «нижних чинов» было также немало «штрафных» и «ссылных», участников крестьянских, солдатских и иных выступлений, а среди офицеров — лиц, направленных сюда за политическую неблагонадежность и не желавших примириться с реакционным режимом, который усиленно насаждался в стране и в армии после Отечественной войны 1812 года³.

Если Кавказ в целом слыл тогда «теплой Сибирью», как окрестил его Александр I, то Абхазия и Черноморье были чуть ли не «самыми суровыми» и «опасными» районами этого края. По этому поводу Василий Андреев, служивший в рассматриваемое время в войсках Отдельного Кавказского корпуса, писал:

¹ Можно, однако, указать, например, на статью В. А. Ромашовского «Солдаты-декабристы на Кавказе», напечатанную в «Сборнике трудов» историко-филологического факультета Ставропольского пединститута, Ставрополь, 1958, вып. 13, стр. 15—37.

² М. А. Гернет. История царской тюрьмы, т. 2, М., 1961, стр. 195.

³ А. Фадеев. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе. «Вопросы истории», 1951, № 1, стр. 100.

«Как в Сибири есть еще другая Сибирь, вроде Якутска или Охотска, так и на Кавказе есть еще Кавказ, представляющий местности тогдашнего Дербента, Таркова или Сухума»¹.

Не случайно в 1840 году царское правительство объявило, что всякому офицеру, служащему или отставнику, при переводе или назначении в черноморские линейные батальоны будет выдаваться годовое жалованье и прогону на любое расстояние, а женатым — то и другое вдвойне².

В ту пору здесь почти каждый царский гарнизон находился фактически в осадном положении; военные действия в крае все более разгорались. Генерал Н. Н. Раевский свидетельствовал: «Большая часть укреплений на Восточном берегу [Черного моря] находится в беспрестанной блокаде от горцев и не имеет другого сообщения как морем»³.

Но особенно пагубно влиял на северян непривычный сырой климат этих мест, порождавший малярию. Гарнизонные солдаты, в большинстве уроженцы центральных губерний, массами погибали от этой болезни. Доктор

¹ В. Андреев. Воспоминания из кавказской старины. «Кавказский сборник», т. 1, Тифлис, 1876, стр. 90.

² Г. И. Филиппсон. Воспоминания. «Русский архив», 1883, кн. 6, стр. 348—349.

³ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) СССР, ф. 38, оп. 30/286, 1840 г., св. 40, д. 104, л. 9. Копия отзыва начальника Черноморской береговой линии Раевского начальнику штаба корпуса горных инженеров Чевкину от 4 октября 1840 г.

медицины Н. Торопов писал: «О том, какая страшная была смертность в наших укреплениях бывшей Черноморской береговой линии, можно судить уже по тому, что там считали делом весьма обыкновенным, когда в год вымирало более десятой части всего гарнизона. Но были и такие укрепления, где в течение 3—4 лет целый состав гарнизона переменался, т. е. вымирал»¹. Генерал Г. И. Филиппсон, служивший в 30—40 годах на Черноморском побережье, свидетельствовал: «Среди этой роскошной природы (Абхазии. — Г. Д.) царствует знаменитая абхазская лихорадка, которая уносила во сто раз более жертв, чем все военные действия и другие болезни»². В другом месте мы читаем: «Сухум казался каменным гробом: нельзя было встретить свежего, здорового лица... В Сухум мы ежегодно посылали 16% штатного числа нижних чинов на укомплектование, т. е. средняя жизнь считалась там почти в шесть лет»³.

Английский журналист Эдмунд Спенсер, побывавший в 1836 году в Бамборском укреплении, писал, что он застал стоявший здесь гарнизон, да и другие гарнизоны на побережье, «жестoko страдающими от лихорадки и, конечно, ужасная смертность, господствующая

в армиях Кавказа, является объектом будущего размышления... Жалкие сараи... в соединении с другими пагубными условиями создают возможность того, что солдат найдет при приеме в госпиталь скорее паспорт на небо...». Далее он отмечал, что «большая часть этих гарнизонов состоит из непослушных подданных... Ордер на исправление в армии Кавказа рассматривается военными властями в России как равносильный гражданской ссылке. ...Русские гарнизоны ежедневно уменьшались от заразы и меча»¹. «Сотни деревянных крестов теснились» около укреплений, огороженных четырьмя валами, «и придавали самим укреплениям вид раскрытых могил»². «Число больных в батальонных лазаретах бывает втрое и четверо больше штатного», — писал и лекарь Бамборского военного госпиталя П. К. Баженов³.

Обстановка службы на Кавказе для декабристов была особенно тяжелой. Прежде всего они оказались под строгим политическим надзором. В секретной записке директора канцелярии Военного министерства от 21 июня 1837 года говорилось об определении де-

¹ E. Spenser. Travels in Circassia, Krim Tartary, vol. I, London, 1838, стр. 325—327.

² В. Потто. А. А. Марлинский (Бестужев). Газета «Кавказ», № 345, 31 декабря 1897 г.

³ Баженов. Медико-топографический взгляд на места, русскими войсками занятые в Абхазии. «Военно-медицинский журнал», 1838, ч. XXXI, № 1, стр. 24.

¹ Н. Торопов. Опыт медицинской географии Кавказа, СПб., 1864, стр. 165—166.

² Г. И. Филиппсон. Указ. соч. «Русский архив», 1883, кн. 6, стр. 305.

³ Там же, 1884, кн. 1, стр. 204, 211.

декабристов рядовыми в Отдельный Кавказский корпус, «назначив их в разные батальоны под строгий присмотр и с тем, чтобы они непременно несли строевую службу по их званию и без всяких облегчений»¹. Согласно предписанию Инспекторского департамента Главного штаба, данному на основании личного распоряжения Николая I, командиру корпуса «вменялось в обязанность ежемесячно доводить до сведения императора «на счет службы и поведения декабристов»². Переписку декабристов могли вести не иначе, как через полевой штаб, где каждая написанная ими строка подвергалась самой строгой цензуре. Их обычно направляли в наиболее опасные места Кавказского фронта. Малейшее попустительство или проявление либерализма по отношению к декабристам грозило крутой расправой. К этому надо еще добавить, что в связи с политическим процессом над группой декабристов (Е. С. Мусин-Пушкин, Н. П. Акулов, А. А. Фок) в Кутаисе в 1831 году командиру 44-го Егерского полка (части которого в основном были дислоцированы в Абхазии) полковнику Пацовскому Николаю I было строго предписано, «дабы он усугубил секретный надзор за всеми пристанными в сей полк лицами, принадлежавшими к тайным обществам»³.

¹ Цит. по указ. соч. М. Н. Гернета, т. 2, стр. 193.

² ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 1, д. 77, л. 13 об.

³ Цит. по кн.: В. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность, Тбилиси, 1958, стр. 212.

После жестокого подавления царским правительством в 1831 году Польского восстания и народных волнений, известных под именем «холерных бунтов», в стране началась новая волна реакции, и притеснения, чинимые над декабристами на Кавказе, еще более усилились.

Тем не менее тех, кто томился долгие годы в рудниках настоящей Сибири, Кавказ манил и красотой своей природы, и возможностью ценой боевых отличий приобрести право возвращения на родину.

Русские «беспокойные» вольнодумцы, сосланные на Кавказ, сурово осуждали военно-феодальный колониальный режим, устанавливавшийся здесь царизмом, хотя в силу своей классовой ограниченности и не являлись сторонниками предоставления кавказским народам права на национальное самоопределение¹. Декабристы хотели видеть народы Кавказа в благополучии, в мире и дружбе с русским народом. Уезжая на родину, декабрист А. Е. Розен писал: «Прощай, Кавказ! Красуйся не одною природою, но и благосостоянием твоих обитателей»².

В условиях наивысшего разгула николаевской реакции такие высказывания звучали как проповедь подлинного гуманизма. Уважая национальные традиции кавказских народов, де-

¹ «История СССР», т. IV, М., 1967, стр. 448.

² А. Розен. Записки декабриста, СПб., 1907, стр. 262.

кабристы проявляли глубокий интерес к их богатому прошлому, самобытной древней культуре, языку, общественному и семейному быту, экономическому положению¹.

Сочувственно относились к народам Кавказа и многие солдаты, часть которых открыто переходила на сторону борющихся горцев. Офицер Генерального штаба В. И. Мочульский писал, что такое явление было обусловлено тем, что «изнуренные от непрерывных и самых утомительных походов нижние чины не имели ни необходимого отдыха, ни удобностей для жизни, постоянно предоставлены нападениям горцев и весьма тягостной домашней службе». Они, уходя в горы, «постоянно находят приют у ... неприятелей. Им дают... пищу, одежду и помещение... Их принимают с радостью... По пробытию ими некоторого времени в горах, горцы дают им жен и земли... Они вступают во все права коренных жителей...»².

Автор книги «Тенгинский полк на Кавказе. 1819—1846» Ракович писал: «Дезертирство вообще было большое место во всех армиях с рекрутской системой и долговременной службой; в кавказских же войсках, служивших издавна ссыльным местом, оно было еще чувст-

вительнее¹. В одном нашем полку в 1831 году числилось в бегах 131 человек; на комплектование же поступило из российских полков 99 штрафованных солдат»². Известно также, что у Шамиля в Дарго в 40-х годах насчитывалось до 300 таких людей³, а близ Ведено, по сообщению зятя Шамиля, было целое поселение бывших царских солдат⁴. Некоторые из них помогали горцам в военных действиях, в изготовлении пушек⁵.

Переход русских солдат на сторону горцев был обусловлен также ненавистью к самодержавию, сознанием общности интересов с интересами местных крестьян.

Так было и в Абхазии. Французский путешественник и коммерсант Поль Гибаль, сведения которого относятся еще к 1820 году, сооб-

¹ Между прочим, некий «кавказский ветеран», служивший впоследствии в том же Тенгинском полку, вспоминал следующую песню, распевавшуюся по русским деревням в начале 50-х годов (см. газету «Черноморский вестник», 5 марта 1900 г., Еатум):

Глянь в деревни, все ревут:
Ваньку в некруты берут,
Пальцы рубит, зубы рвет,
В службу царскую нейдет.

² Ракович. Указ. соч., Тифлис, 1900, стр. 107.

³ С. К. Бушуев, Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля, М.-Л., 1939, стр. 130.

⁴ А. Д. Даниялов, О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля, «Вопросы истории», 1966, № 10, стр. 24.

⁵ «История Дагестана», т. II, М., 1968, стр. 105.

¹ А. Фадеев, Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе, стр. 102.

² Мочульский, Война на Кавказе и Дагестане, ч. I, Политическая, 1884 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, лл. 73—74.

щает, что в Абхазии «очень много» русских пленных, численность которых, «по подсчетам турок и некоторых русских», достигает 3 тыс. человек. «Судя по многим данным, — замечает Гибаль, — эта цифра мало преувеличена». Он отмечал также, что «лишь только немногие были взяты в плен, а большинство из них — дезертиры»¹.

Действительно, русские солдаты часто совершали побег с береговых укреплений в горные районы, которые оставались еще неподвластными царской военной администрации и фактически не признавали их ставленника — абхазского владетеля. Поэтому сюда, где веками жили «вольные» абхазские общества, массами стекались и местные крестьяне. Эти районы, отгороженные высокими хребтами и окруженные густыми лесами, под сенью традиционного гостеприимства их обитателей были надежным убежищем для бежавших с побережья абхазских крестьян и русских солдат.

Главначальствующий на Кавказе генерал Г. В. Розен в мае 1837 года застал в Цебельде 129 «беглых» русских солдат и матросов, среди которых были жившие здесь по 15 — 25 и даже 30 лет; большинство имели

«семейства и оседлость и даже, по здешним понятиям, некоторый достаток»¹. Многие из этих солдат, указывал Розен, когда их вели в лагерь, «бежали с дороги», не желая явиться к царскому командованию². Преемник Розена генерал Е. А. Головин в своем рапорте на имя военного министра А. И. Чернышева от 8 сентября 1838 года писал, что от солдатских семей, рассеянных по разным местам горной Цебельды, «никакой не может проистекать пользы для правительства», так как они живут одной жизнью с местным населением³.

Когда генерал Н. Н. Раевский в 1840 году построил в Цебельде укрепление Мрамба, то около него возникло поселение под названием Богоявленское, жители которого — до 70 человек — состояли из беглых и пленных солдат. Некоторые из них были уже глубокими стариками, проживавшими в этих местах десятки лет, совершенно забывшими родной язык. Между прочим, среди этих жителей было 13 поляков. По этому поводу К. Д. Мачавариани писал: «В этих краях нередко можно было наблюдать такую картину: глава семьи — Ста-

¹ Journal de mon voyage entre la mer Noire et la mer Caspienne Astrakhan et Taganrog entrepris le 21 mai 1820 et fini le 24 decembre de meme année. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) СССР, ф. 1261, л. 2896, л. 138 об.

¹ «Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссиею» (АКАК), т. VIII, ч. I, № 345, стр. 459. Отношение Г. В. Розена А. И. Чернышеву от 8 мая 1837 г.

² Там же.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6349, лл. 15—16.

нслав Янковский, жена — Гугу, сын — Тухи, дочь — Фатьма»¹.

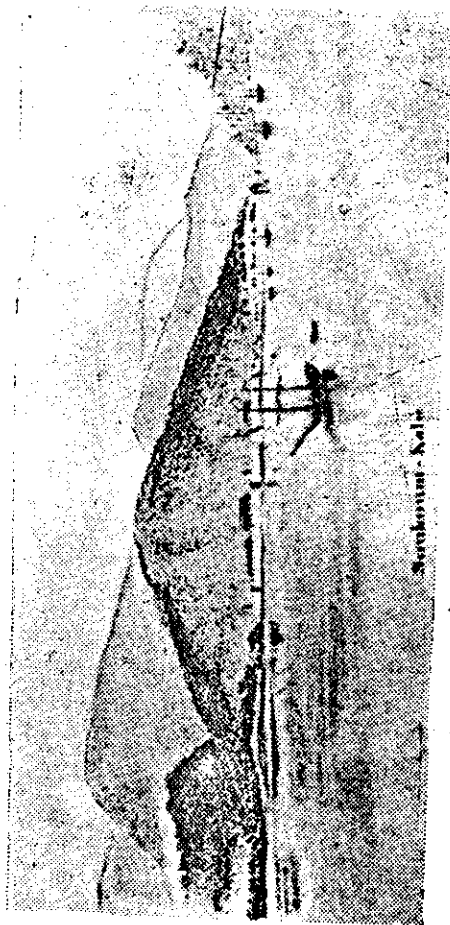
Вопреки реакционной политике царизма, появившиеся на Кавказ прогрессивные представители русской интеллигенции в меру своих возможностей оказывали плодотворное влияние на все развитие его народов. Среди этих деятелей особое место занимали «участники декабристского дела». Вокруг них «создавалась сочувствующая социальная среда, завязывались связи с местным населением, возникало благотворное взаимодействие первых русских революционных борцов и передовых представителей местных народов»².

Первым из дворянских революционеров-декабристов и «прикосновенных», попавших в Абхазию, был, видимо, Павел Александрович Бестужев (1808 — 1846) — младший из пяти братьев Бестужевых, «погибших в водовороте 14 декабря». После восстания декабристов он был арестован; год пробыл в заключении в Бобруйской крепости, а затем служил на Кавказе, куда его сослали в 1827 году³. Первоначально Бестужев прибыл, как было положено подобным ему лицам, в Тифлис, который в то

¹ К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу, Сухум, 1913, стр. 267—268.

² М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II, изд. АН СССР, М., 1955, стр. 448.

³ «Декабристы и их время. Материалы и сообщения». Изд. АН СССР, М.-Л., 1951, стр. 98.

Сухум, 1833 г.
Рисунок из атласа «Voyage au Caucase et en Crimée»
Фредерика Дюбуа де Монпэре, Париж, 1843

время являлся, по словам К. Маркса, «центром русского господства в Азии»¹, административной «сердцевинной» всего Кавказского края, средоточием военных и гражданских властей. 15 августа 1829 года Бестужев писал домой, в Петербург: «Я в Грузии. Надо мной таит тлетворное тифлисское небо, и за мной белеют вдали снежные хребты Кавказа. Наконец я видел Кавказ, который жаждал видеть с самого детства, и до сих пор не насытился этим великолепным зрелищем»².

Поручик П. А. Бестужев служил в артиллерии и прославился в войне 1826—1829 годов с Турцией и Персией как мужественный и искусный офицер. Некоторое время был в Абхазии, в Сухумском артиллерийском гарнизоне³. Между прочим, Бестужев изобрел особое приспособление к пушкам, известное под названием «бестужевский прицел», в связи с чем в 1834 году получил разрешение возвратиться на службу в Петербург, а в следующем году вышел в отставку в чине прапорщика⁴.

23 апреля 1836 года из Геленджика А. А. Бестужев-Марлинокий писал Павлу Александровичу: «Любезный Поль. Несколько

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 11, стр. 639.

² «Русский вестник», 1870, т. 87, № 6, стр. 493.

³ Е. Вейденбаум. Декабристы на Кавказе. «Русская старина», 1903, т. 114, кн. VI, стр. 497.

⁴ [М. И.] Семевский. Александр Бестужев на Кавказе. «Русский вестник», т. 87, № 6, 1870, стр. 489.

дней тому назад, прогуливаясь в Сухуме по окрестностям, я любовался развалинами какой-то башни — и что же? Я не верил глазам своим: на одном камне читаю твоею рукой написанную надпись П. Б.! Уголь не стерся в течение 8 лет, и вот судьба привела другого брата завидовать тому месту, где ты был в изгнании!»¹.

Павел Бестужев был одаренным литератором. Его перу, в частности, принадлежит статья «Замечания на статью «Путешествие в Грузию», помещенная в журнале «Сын Отечества» за 1838 год. Эта статья отличается характерным для декабристов воззрением на русско-кавказскую проблему. Выступление Бестужева носило политический характер — он разоблачал автора «Путешествия», распространявшего клеветнические измышления о Кавказе и кавказцах². Подобно своему брату Александру, Павел Бестужев сетовал на то, что «у нас мало писано о Кавказе, да и то неверно или недостаточно»³.

Почти одновременно с П. А. Бестужевым в Абхазии был декабрист Сергей Иванович Кривцов (1802—1864). Сын помещика Болховского уезда Орловской губернии, он перво-

¹ «Отечественные записки», 1860, т. 131, № 7, стр. 58—59.

² В. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 329.

³ «Декабристы и их время. Материалы и сообщения», стр. 96—99.

начально воспитывался в московском университетском пансионе, а пятнадцати лет был отправлен учиться на казенный счет в перво-классное, по тому времени, европейское учебное заведение — Институт Фелленберга в Швейцарии, где в числе его преподавателей был знаменитый педагог-демократ Песталоцци¹. По возвращении из Европы в Петербурге, служа в лейб-гвардии конной артиллерии, Кривцов вступил в тайное «Северное общество» декабристов. Это было в 1823 году. Он «желал представительного правления, а между разговорами слышал о намерении ввести республиканское правление и о удобности истребить императорскую фамилию на придворном бале»².

В июле 1826 года С. И. Кривцов «за прикосновение к тайному обществу» верховным уголовным судом был приговорен к каторжным работам в Сибири на один год, а потом — на поселение с лишением чинов и дворянства. После нескольких лет пребывания в Читинском остроге и в ссылке в Туруханске и Минусинске, по ходатайству матери, в декабре 1831 года Кривцов был определен рядовым в дей-

С. И. Кривцов

Рисунок Н. А. Бестужева, 1828 г.
Из кн. «Литературное наследство». т. 60, II, кн. 2,
изд. АН СССР, М., 1956.

¹ М. Гершензон. Декабрист Кривцов и его братья, М., 1914; «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII, Л., 1925, стр. 334.

² Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 109 са, оп. 1, 1826 г., л. 61, ч. 96, л. 35.

ствующим войска Отдельного Кавказского корпуса, в 44-й Егерский полк¹.

Вначале С. И. Кривцов прибыл в Тифлис, а оттуда — в Редут-Кале (Кулеви), где застрял на два месяца: море было бурное, суда не ходили; он сильно скучал в «грязном местечке»; просил отправить его сухим путем, но в этом ему отказали, «так как дорога была беспокойна». Добравшись, наконец, до Гагры, где стоял его батальон, Кривцов заболел воспалением легких и пролежал месяц. Для поправки его перевели в полковую штаб-квартиру в Бамбору (вблизи нынешнего города Гудаута)². Местечко Бамбора, расположенное в нескольких километрах от резиденции абхазского владетеля в Лыхнах, в то время было центром русской военной администрации в Абхазии. Здесь находились начальник войск в крае и полевой штаб 44-го Егерского полка, а также один из батальонов этой части — 6-й Черноморский линейный батальон, «все главные военные заведения» и склады для войск, размещенных в Абхазии. Бамборское укрепление было расположено в обширной долине речки Пшандра и имело форму большого параллелограмма, огражденного земляным бруствером. Разбитое на 6 кварталов, оно было обстроено небольшими домами, казармами и

¹ ЦГАОР СССР, ф. 109 са, оп. 1, 1826 г., д. 61, ч. 96, лл. 34 — 34 об. Докладная записка С. И. Кривцова от 26 марта 1845 г.

² М. Гершензон. Указ. соч., стр. 255.

магазинами. Бамбора в то время являлась также основным торговым пунктом в Бзыбской Абхазии¹. Кстати, солдатами Бамборского укрепления на одной из ближайших рек был построен лесопильный завод, который снабжал строительными материалами воинские части, расположенные на окрестной территории. Вместе с тем это предприятие служило «одним из главных способов сближения абхазцев со своими русскими соседями»². Офицер С. Смоленский, находившийся в Бамборе в 1859 году, отмечал, что у местных крестьян были дети, крещенные по-русски; приемниками их были фельдфебели, унтер-офицеры и их жены³.

В Бамборе, едва оправившись от простуды, Кривцов в августе 1832 года заболел малярией, впоследствии не раз к нему возвращавшейся. Два года он провел в бездействии, живя то в Бамборе, то в Сухуме. В Бамборе Кривцов обзавелся собственным домиком в две комнаты с кухней и террасой. Вскоре к нему приехал крепостной человек, присланный родными для услуг. Это была первая живая весть от них со времени разлуки.

Летом 1833 года Кривцов из Моздока получил письмо от своего друга — ссыльного де-

¹ [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания кавказского офицера, ч. I, М., 1864, стр. 31—32.

² Там же, стр. 36.

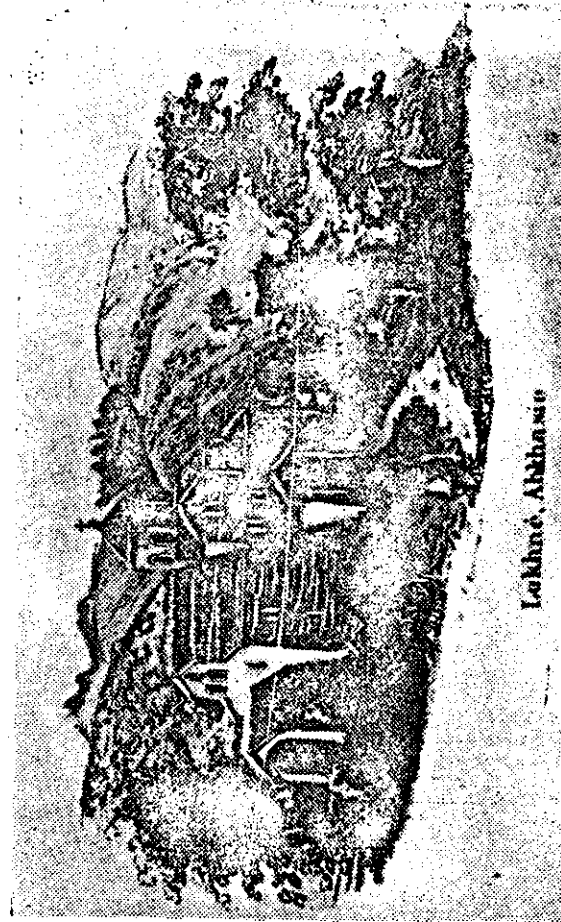
³ С. Смоленский. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», 1872, № 9, стр. 151.

дабриета З. Г. Чернышева. В том же году он встретился с известным французским ученым-исследователем Кавказа Фредериком Дюбуа де Монперэ. Путешествуя по Черноморскому побережью, Дюбуа в июне 1833 года посетил Бамбору. В качестве переводчика к нему был приставлен С. И. Кривцов, имя которого ученый в своей книге «Путешествие вокруг Кавказа», изданной в Париже в 1839 году, обозначил инициалами «М. К.». Некоторые авторы полагают, что Дюбуа, желая скрыть имя русского декабриста, сознательно искажил его инициалы¹. Однако эту «загадку», как нам кажется, убедительно раскрыла переводчица первого тома названной книги на русский язык, изданного в Сухуми в 1937 году, Н. А. Данкевич-Пушина. Она полагает, что «М» есть первая буква французского слова «monsieur», а «К» — начальная буква фамилии Кривцова. Это обычная форма вежливости во французском языке. В письменной передаче данное слово, когда говорят о третьем лице, сокращается в «М», или «Мг»².

Что же сообщает Дюбуа о С. И. Кривцове? «Во время этой прогулки вместе с М. К. по восхитительному лабиринту волшебного

¹ См. заметку: Е. Польская. Загадка «М. К.». Газета «Советская Абхазия», 27 декабря 1960 г.; ее же. Загадочные инициалы. Газета «Советская Кубань», 24 сентября 1965 г.

² Н. А. Данкевич-Пушина. Еще о загадке «М. К.». Газета «Советская Абхазия», 8 января 1961 г.

Lokhne, Abkhazie

Селение Лыхны. Храм (X — XI вв.). 1833 г.
Рисунок из атласа «Voyage au Caucasse et en Crimée»
Фредерика Дюбуа де Монперэ, Париж, 1843.

пейзажа, — пишет он, — я имел удовольствие ближе познакомиться с этим замечательным (distigué) человеком и поговорить о Швейцарии и общих друзьях. Превратности судьбы сильно изменяют человека... Те, кто знал М. К. в Петербурге, сильно изумились бы той перемене, какая произошла в нем с тех пор.

Во всем есть своя хорошая сторона, — говорил он мне, — из petit maitre'a, каким меня знал Петербург, я обратился в философа. Когда я служил в гвардии, я стремился, съедаемый честолюбием, только к почестям; я знал жизнь только со стороны ее интриг, светских развлечений и надменного довольства, свойственного привилегированным классам. Я видел в себе и других только эполеты и мундир...

Внезапно из человека, все достоинство которого заключалось в его блестящем мундире, я обратился в человека, ценного только как личность. Мое я и мое сердце — вот все, чем я обладал. Вычеркнутый из жизни, обреченный на гражданскую смерть, лишенный чести и всякой надежды, я был низвергнут осуждением, когда-то светлый ангел, в бездну мрака, вместе со всеми другими, мятежными ангелами, и сослан в близкие с полюсом края, — какие ужасные воспоминания! И вместе с тем это великий прекрасный урок, на который обрекла меня судьба. Заглянув в самого себя, я ужаснулся своей внутренней пустоте. Мне казалось, что, отняв у меня мундир, у меня отняли все...

Мне захотелось быть человеком; они могли закрыть мне двери ко всякому общественному положению, но они не могли мне запретить стать человеком. Я старался быть им в окружающем меня мире, насколько позволяли его пределы... Свою душу стремился я украсить свойствами, действительно полезными, научась оценивать все явления по их истинной стоимости... Государю угодно было вернуть меня из ссылки и отправить в Абхазию; я — рядовой, я то, что представляют из себя многие другие честные лица braves. Поверьте мне, что, хотя это положение простого солдата для меня самое тяжкое из всех, которое они могли только мне предложить, я принял известие о своем разжаловании со слезами радости, так как это родило меня с другими сынами России».

Далее Дюбуа замечает: «Не думайте, что я измышляю эту повесть... Это истинные слова М. К., и нет необходимости прибегать к измышлению, чтобы вызвать интерес к подобному человеку».

Автор так описывает внешность С. И. Кривоцова: «Высокий рост, черные глаза, открытое выражение лица составляли контраст с его болезненным, страдальческим видом. Он так же, как и другие, отдал дань климату и перенес несколько возвратов перемежающейся желчной лихорадки, которая оставила у него осложнения, обычные здесь последствия этих

болезней, — несколько раз наша беседа прерывалась из-за его страданий»¹.

В августе 1834 года С. И. Кривцов, снова по просьбе матери, был переведен в стоявшую в Ставрополе 20-ю артиллерийскую бригаду. Он принимал участие во многих военных экспедициях тех лет. Кавказский военный полицмейстер подполковник корпуса жандармов Казасси 21 сентября 1835 года доносил барону Розену, что он распорядился в отряде «не допускать молодых офицеров... сближаться и иметь какие-либо сношения» с А. А. Бестужевым и С. И. Кривцовым (в это время последний находился в Екатеринодаре по болезни) — с «преступниками, одаренными большею частью способностями и талантами»².

В апреле 1837 года Кривцов попал в экспедицию и выступил с полком из Ольгинского укрепления к Геленджику. В ноябре того же года он был произведен в офицеры, после чего еще целых полтора года тянул лямку на Кавказе. Летняя экспедиция 1837 года была последней, в которой ему пришлось участвовать. С этого времени он жил «оседло», преимущественно в Ставрополе, где часто встречался с другими ссыльными декабристами³. В 1839 году Кривцов вышел в отставку и по-

¹ Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. 1, Сухуми, 1937, стр. 124—126.

² АКАК, т. VIII, ч. II, № 919, стр. 967.

³ М. Гершензон. Указ. соч., стр. 172, 278.

кинул Кавказ. Но ему воспретили въезд в обе столицы империи и учредили за ним секретный надзор полиции¹.

Несомненно, С. И. Кривцов общался с первыми абхазскими офицерами С. Т. Званба и Н. Н. Шакрыл, которые служили тогда на побережье и являлись переводчиками и проводниками при дворе владетеля в Лыхнах. Шакрыл, кроме того, числился в батальоне 44-го Егерского полка, стоявшего в Бамборе. Он погиб в 1835 году².

В 1835 году в Бамбору прибыл другой «государственный преступник» — Василий Сергеевич Норов (1793 — 1853). Он — участник Отечественной войны 1812 года (был ранен в ногу), а с 1822 года — подполковник Московского гренадерского полка. За причастность к декабристскому движению (в 1818 году вступил в «Союз Благоденствия») подполковник Норов был разжалован и с 1825 по 1835 год просидел в Петропавловской, Свеаборгской и Бобруйской крепостях³. Перевод Норова на Кавказ был разрешен по просьбе его матери,

¹ ЦГАОР СССР, ф. 109 са, оп. 1, 1826 г., д. 61, ч. 96, лл. 34—35.

² Г. А. Дзидзария. Соломон Теймуркович Званба, В кн.: С. Т. Званба. Этнографические этюды, Сухуми, 1955, стр. 8, 26.

³ «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII, стр. 365; сб. «Декабристы Дмитровского уезда». «Музей Дмитровского края», вып. 3. Дмитров, 1925; ЦГВИА, ф. 395, оп. 272, д. 16, лл. 3—3 об, 6.

В. С. Норов

Копия А. Т. Гречева с картины неизвестного художника. 1814 г. Дмигровский краеведческий музей (Московская область)

на ходатайстве которой имеется резолюция: «Велено (царем. — Г. Д.): преступника Норова определить рядовым в один из линейных черноморских батальонов, отправив его секретно... а барону Розену сообщить, чтобы Норов был

зачислен в такой батальон, в котором нет других преступников по одному с ним делу»¹. Такой воинской частью был признан 6-й Черноморский линейный батальон в Бамборе, куда он 7 апреля 1835 года был «доставлен исправно... и зачислен в списочное состояние» этого батальона².

15 апреля 1835 года Норов писал: «И вот теперь я в Кутансе, сделав более ста верст верхом. Проехал я Сурам и Багдад; остается мне еще 200 верст до Бомбор на берегу Черного моря. Там собирается наш отряд под начальством генерала Ахлестышева... Из Бомбор мы пойдем на горцев в Абхазию...»³.

Еще осенью 1829 года главнокомандующий на Кавказе граф И. Ф. Паскевич, исходя из повеления Николая I⁴, разработал план завоевания Черноморского побережья Кавказа от Анапы до Поти. Попытка осуществить этот план была предпринята летом 1830 года (т. н. «Абхазская экспедиция»). Отряд генерала

¹ «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII, стр. 365; ЦГВИА, ф. 395, оп. 272, д. 16, л. 1.

² ЦГВИА, ф. 395, оп. 272, д. 16, лл. 15—16.

³ «Русский архив», 1900, кн. 2, стр. 294.

⁴ Через три недели после подписания Андринопольского трактата Николай I в рескрипте на имя Паскевича от 25 сентября 1829 года писал: «Кончив таким образом одно славное дело (войну с Турцией. — Г. Д.), предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, и в рассуждении прямых польз гораздо важнее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных...» (Щербатов. Генерал-фельдмаршал Паскевич-Эриванский, т. III, СПб., 1891, стр. 229—230).

К. Ф. Гессе занял несколько пунктов на Абхазском побережье: Бамбору, Пицунду и Гагру, где были возведены укрепления и оставлены гарнизоны. Однако дальнейшее продвижение царских войск на север от Гагринских теснин, которые Паскевич назвал «Кавказскими Фермопилами», разбилось о героическое сопротивление абхазских и уبخских племен¹. Таким образом, берег моря от этого пункта до Анапы оставался свободным, а укрепления, находившиеся на побережье Абхазии, были связаны между собой только по морю.

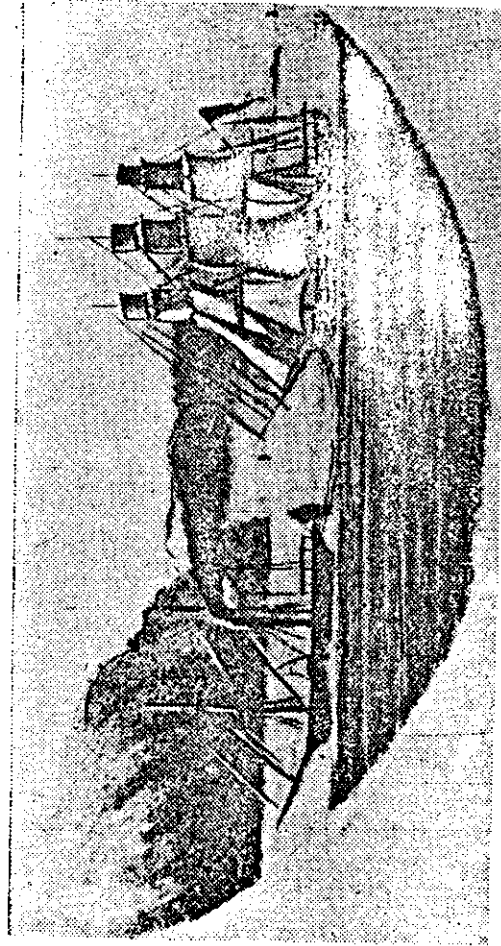
В 1834 году царское командование решило продолжить сухопутное сообщение вдоль восточного берега Черного моря, «дабы тем совершенно отрезать непокорных горских народов»². С этой целью, для прокладки вдоль побережья военной дороги, соединявшей береговые укрепления, в Абхазию летом 1834 года были двинуты военные силы под начальством упрямляющего Имеретией генерала Д. Д. Ахлестышева, которые в октябре достигли Бамборы, а летом 1835 года — Гагры³.

В этот район и на все восточное побережье Черного моря уже летом 1836 года была для обозрения направлена специальная экспедиция на корвете «Ифигения» в сопровождении парохода «Петр Великий». В составе этой

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, дд. 6234 и 6239.

² Там же, д. 6302, л. 3.

³ См. Отдел письменных источников Государственного исторического музея СССР, ф. 6, Г. В. Розена, т. 7.

Корвет «Ифигения» и пароход «Петр Великий»
Рисунок Н. Г. Чернецова. 1836 г. Из кн. «Поездка к восточным берегам Черного моря... в 1836 году» С. Сафонова. Одесса, 1837.

экспедиции находились известный русский художник академик Н. Г. Чернецов и любитель древностей и природы Южной России С. В. Сафонов¹, которые дали интересный материал о крае: первый — зарисовками и картинами², а второй — «дневными записками» «О поездке к восточным берегам Черного моря, на корвете Ифигения, в 1836 году», изданными в Одессе в 1837 году. Экспедиция заезжала в Гагру, Пицунду, Бамбору и Сухум, т. е. в места, где в это время бывали Норов, Бестужев-Марлинский и другие ссыльные декабристы. Сафонов упоминает, например, А. А. Бестужева-Марлинского, который ехал вместе с ним на «Ифигению».

В 1837 году была организована военная экспедиция в Цебельду и Адлер. Норов, как опытный военный, был невольным участником и этих походов³, «играл в военных советах крупную роль»⁴.

В отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве

¹ О нем: АКАК, т. X, ч. I, стр. XXX; «Архив Раевских», т. III, СПб., 1910, стр. 650.

² На Н. Г. Чернецова произвели большое впечатление живописные берега Абхазии, памятники архитектуры. Будучи в Абхазии, он сделал ряд зарисовок и картин, хранящихся ныне в фондах Русского музея в Ленинграде. Некоторые из них мы здесь воспроизводим.

³ Архив Дмитровского краеведческого музея, ф. 89, Подлинных.

⁴ И. А. Смирнов. Декабрист Василий Норов. Сб. «Декабристы Дмитровского уезда», стр. 62.

хранится рукопись Норова на французском языке (ф. 201, В. С. Норова, № 56). В ней содержатся его замечания на французское издание книги «Журнал о пребывании в Черкессии в 1837, 1838 и 1839...» (Париж, 1841), автором которой является Джеймс Станислав Белл, английский купец-авантюрист, подвизавшийся в 30-х годах XIX века на Северо-Западном Кавказе среди черкесов и абхазов в качестве агента-разведчика английского правительства, будучи вместе с тем связанным с Турцией¹. Еще декабрист Н. И. Лорер отмечал «таинственную роль» Белла, руководившего снабжением «горцев» оружием в борьбе с Россией². Это о нем писал К. Маркс в 1853 году в памфлете «Лорд Пальмерстон»³.

В указанной рукописи В. С. Норов пишет: «Вследствие различных несчастных обстоятельств, о которых говорить здесь бесполезно, судьба бросила меня... на побережье Абхазии, назначенное быть местом моего изгнания»⁴. Предпочитая умереть от пули, чем от тоски и лихорадки, он стал участником всех экспедиций, имевших место на Абхазском побережье

¹ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 177; С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20—70 гг. XIX в.), М., 1955, стр. 42—48.

² Н. И. Лорер. Записки, М., 1931, стр. 25.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 422—424.

⁴ В. С. Норов. Указ. рукопись, л. 2.

с 1835 по 1838 год. «Признаюсь, — заявляет Норов, — что я шел в бой за дело, которое было мне совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, что я всегда восторгался их героическим сопротивлением»¹.

В. С. Норов вскрывает ошибки и клеветнические измышления Белла на примерах тех событий, участником которых он был. Он делает ряд замечаний, касающихся военных действий в Абхазии и Черкесии, а также политики России на Кавказе, замечая при этом: «Сколько линий на этой странице, столько неправды... Все это ложь. Господин Белл написал свою книгу совершенно не зная обстоятельств» и т. д. Например, о занятии русскими войсками Адлера Норов пишет: «Мне пришлось присутствовать при этой битве, и я могу доказать, что дело было не так», как утверждает Белл².

Норов сообщает ряд интересных фактов о крае. При занятии Адлера абхазы, участники десанта, как писал он, «стреляли в воздух... и вскоре их отправили по своим домам»; среди убитых «был писатель Бестужев». Возражая Беллу, Норов ссылается на средневековых авторов, свидетельствующих об абхазах «как о многочисленном народе, который с незапамятных времен жил всегда в той же местно-

¹ В. С. Норов. Указ. рукопись, лл. 2 об — 3.

² Там же, л. 18.

сти, что и теперь»¹. В этой полемике с Беллом, который «в силу своей страшной ненависти к русским» «забывал» о достоверных фактах, Норов приводит некоторые данные об абхазском владетеле Михаиле Шервашидзе: «Родился он христианином; его отец — Сафарбей... Абхазия и прежде была христианской страной и образовала одно царство с Грузией... До сих пор в Пицунде находятся развалины, хорошо сохранные, древней и патриархальной церкви... Никаким образом князь Михаил не был отступником от своей веры, т. к. он родился христианином и остался им. Не был он и предателем, т. к. никогда не изменял своей стране»².

Норов говорит о жестоких репрессиях царских карательных отрядов и сочувственно отзывается об абхазском населении. Поход в Цебельду в 1837 году он называет «тяжелой экспедицией», когда в течение месяца войска «занимались тем, что лазили по горам, по долинам Кодора и били цебельдинцев». Далее Норов пишет: «30 апреля мы отправились в Сухум-Кале и прошли через долину Келасур в начале до Антопира, затем до подножья Маруха, через южное ущелье, под непрерывной перестрелкой. Эта была настоящая охота на людей. Мы потеряли там мало людей, ибо цебельдинцы были плохо вооружены, но мы

¹ В. С. Норов. Указ. рукопись, л. 42.

² Там же, л. 62.

были обессилены от усталости, взбираясь по скалам и проходя через густые чащи. Наконец, подчинив основных князей Цебельды, таких как Маршани Хирипса и других... заставив их нам выдать всех наших дезертиров и пленников, из которых многие были в их руках в течение пятидесяти лет (?), мы вернулись в Сухум-Кале 25 мая и 4 июня отправились в экспедицию на Адлер...»¹.

Вместе с тем В. С. Норов, как и другие декабристы, в своих письмах домой рисует тяжелую жизнь русских воинских частей в Абхазии. Кавказские войска, по словам русского офицера Ф. Ф. Торнау, в 1835 году находившегося в Бамборе, «обыкновенно страдали и гибли несравненно более от болезней, чем от неприятельского огня»². Особенно пагубно влиял на них, как отмечалось выше, непривычный сырой климат Черноморского побережья с его страшной малярией.

В письме из Бамборы от 1 сентября 1835 года В. С. Норов писал: «Я, слава богу, совершенно здоров, несмотря на климат, который здесь ужасен. Если хотите иметь понятие о нем, прочтите экспедицию французов в [Санто]-Доминго, где желтая горячка в три месяца уничтожила всю армию: то же и здесь. Мы, к несчастью, имеем шестьсот человек больных;

¹ В. С. Норов. Указ, рукопись, л. 49.

² [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 22.

половина из них уже умирающие в проклятом месте, куда мы заброшены»¹. В письме от 7 сентября того же года Норов сообщал, что неблагоприятный климат в лагере вблизи Бамборы «убивает до 50 человек в месяц». В письме от 1 сентября 1835 года Норов, кроме того, писал, что чума «часто посещает и Абхазию», где теперь он, Норов, имеет «счастье находиться»². Действительно, этот страшный бич время от времени косил население Абхазии. Так, например, по свидетельству современника Р. де Скасси³, в 1811 и 1812 годах голод и чума, разразившиеся по всей Грузии⁴, охватили и Абхазию, где в результате этого погибла чуть ли не половина всего населения⁵. Далее Норов, говоря об осадном положении царских гарнизонов, указывал, что «здесь враг повсюду; он обыкновенно скрыт или в густом лесу, или за скалами...»⁶

Одновременно В. С. Норов восхищался красотой края, его редкостными богатствами,

¹ «Русский вестник», 1900, кн. 2, стр. 294.

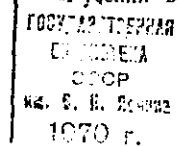
² Там же, стр. 295.

³ О нем: «Кавказский этнографический сборник» (КЭС), I, М., 1953, стр. 301—302; II, 1958, стр. 201.

⁴ Только в Имеретии в течение одного года умерло от чумы 32 750 чел.; 7 450 чел. переселились в другие места, а 2 000 чел. были проданы в качестве пленных. (Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа и др. История Грузии, I. Учебное пособие, Тбилиси, 1962, стр. 433).

⁵ АКАК, т. VI, ч. I, стр. 646—658.

⁶ «Русский вестник», 1900, кн. 2, стр. 294.

разнообразием растительного и животного мира. «Впрочем, — писал он в указанном письме, — если бы не климат... страна здесь интересная: вообразите себе пальмовые (самшитовые. — Г. Д.) леса, кактусы, лимонные деревья, леопарды, гиены, шакалы и проч.»¹.

В апреле 1837 года В. С. Норов был произведен в унтер-офицеры, а в мае следующего года уволен со службы. Он жил сперва в имении отца в Дмитровском уезде Московской губернии, а с 1839 года в городе Ревеле. В 1853 году у Норова открылось рожистое воспаление в ноге. Он просил брата Авраама Сергеевича, в то время министра народного просвещения², приехать проститься с ним: больной чувствовал приближение своего смертного часа. Но Николай I решил мстить до конца³. Он не разрешил своему министру про-

¹ «Русский вестник», 1900, кн. 2, стр. 295.

² А. С. Норов был ученым и литератором, прославившимся своими путешествиями по Ближнему Востоку. (См. Т. Поливанова. В. С. Норов по воспоминаниям современников и неизданным письмам. Сб. «Декабристы Дмитровского уезда», стр. 30; Р. Хохлов. История неразделенной любви. Газ. «Путь Ильича», 24 мая 1969 г., Дмитров. Речь идет о сестре декабриста Е. С. Норовой и ее отношении к П. Я. Чаадаеву; семья Норова стояла также близко к А. С. Пушкину и ко многим декабристам).

³ Николай I давно не любил и преследовал В. С. Норова. (См. М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы, М., 1947, стр. 258). Однажды император стал браниться, чем вызвал замечание Норова, что в его положении это недопустимо. «Ах, вы не представляете себе,

ститься с братом, и Василий Сергеевич был похоронен лишь дворовым слугой¹.

В 30-х годах в Абхазии находился один из самых замечательных представителей «фаланги героев», как назвал Герцен людей 14 декабря, Александр Александрович Бестужев-Марлинский (1797 — 1837), единомышленник К. Ф. Рылеева, друг А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова, известный русский писатель, пропагандист передовых для того времени свободолюбивых идей.

А. А. Бестужев окончил Горный кадетский корпус и в 1816 году поступил в лейб-гвардии Драгунский полк. Как член «Северного общества» декабристов и активный участник выступления 14 декабря на Сенатской площади, Бестужев был осужден по первому разряду; сначала он содержался в Петропавловской крепости и в форте «Слава» в Финляндии, а в 1827 году был сослан на поселение в Якутск. В 1829 году Бестужев, по его просьбе, был определен рядовым в действующие полки От-

как Наполеон обращается со своими маршалами», — как бы оправдываясь, сказал Николай. «Мне далеко до маршалов Наполеона, — возразил в свою очередь Норов, — так же, как вам до Наполеона».

Современники полагали, что такие столкновения и послужили причиной ареста Норова. (Е. Милашевич. Декабрист В. С. Норов. Газета «Путь Ильича», № 127, 21 сентября 1965 г.).

¹ Т. Поливанова. Указ. соч., стр. 49.

дельного Кавказского корпуса¹. До 1834 года он служил в Дагестане и Азербайджане, а в августе того же года был откомандирован в распоряжение командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерала А. А. Вельяминова. Жизнь опального декабриста сперва протекала в Ставрополе, затем в Екатеринодаре, Пятигорске. В июле 1835 года он был произведен в унтер-офицеры и назначен в 3-й Черноморский линейный батальон, в крепость Геленджик².

С этого времени начинается жизнь Бестужева, ставшая последним этапом «земных страданий», на Черноморье, в том числе Абхазском побережье. В Абхазии ему пришлось жить попеременно в Сухуме, Гагре³ и Пицунде, бывать в Цебельде и других местах, находясь в рядах 5-го и 10-го черноморских линейных батальонов. А. А. Бестужев еще 16 де-

¹ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, стр. 158—160.

² А. В. Попов. Декабрист А. А. Бестужев в Ставрополе. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 1, Ставрополь, 1949, стр. 113—124.

³ Кстати, в Гагре, в ущелье речки Жозквара, в 1841 году, т. е. через 4 года после гибели А. А. Бестужева-Марлинского, была построена стратегического значения башня, известная под названием «Башня Марлинского»; развалины ее существуют и поныне. (А. Г. Передельский. Гагры. СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. 38, стр. 161). В строительстве этой башни принимал участие друг и секундант А. С. Пушкина К. К. Данзас, в то время служивший в Гагринской крепости.

А. А. Бестужев-Марлинский

Рисунок неизвестного художника. 1830 г. Из кн. «Литературное наследство», т. 60. II. кн. 1, изд. АН СССР, М., 1956.

кабря 1831 года в письме Н. А. Полевому сообщал: «Был не раз в походах, и скажу вам, что горцы — достойные дети Кавказа... Сами бесы не могли бы драться отважнее, стрелять целнее»¹.

А. А. Бестужев был на Кавказе в пору расцвета своего таланта. Он глубоко изучал кавказоведческую литературу, ознакомился с жизнью местного населения. Одесский профессор зоологии А. Д. Нордман во время своего путешествия по Западному Кавказу весной 1835 года в сопровождении Деллингера, сына баварского профессора физиологии, от Геленджика до Сухума ездил (на фрегате «Бургас») вместе с А. А. Бестужевым². В кратком отчете об этом путешествии ученый отмечал: «Находившийся на нашем фрегате известный прозаик Марлинский, которому я много одолжен за сообщаемые мне известия о Кавказе, помогал мне снимать виды. Рисуя мысы Мамая и Адлера и будучи очарован великолепным видом лежащего пред ним ландшафта, он не знал и не предчувствовал, что рука его обрисовала очерки того места, на котором спус-

¹ «Русский вестник», 1861, т. 32, III, стр. 313.

² А. Д. Нордман в 30.—40 гг. был профессором Одесского лицея, затем Гельсингфорского университета. Во время указанного путешествия ученый обследовал в частности, центральный и северо-западные районы Абхазии. Он собирал и изучал материал не только по зоологии и ботанике, но также географии, этнографии, истории и археологии. См. подробнее: И. И. Пузанов. А. Д. Нордман, М., 1969.

тя год ему суждено было пасть»¹. Нордман встречался в Бамборе и с польским революционером Ф. Я. Лисовским, «любознательность» которого также ему «много помогла»².

В 1836 году Бестужев поразил своим глубоким знанием Кавказа С. В. Сафонова, путешествовавшего по восточному берегу Черного моря на корвете «Ифигения». Последний писал: «Знаете ли, сказал наш знаменитый литератор, так хорошо знакомый с Кавказом, А. А. Марлинский, — знаете ли, как горцы вытаскивают на берег лодки?» И далее рассказывает об этом способе³.

А. А. Бестужева в Абхазии видел и В. Андреев, который потом вспоминал, что в Абхазскую экспедицию «были прикомандированы из других полков Александр Бестужев и Норв — брат бывшего министра»⁴.

Хочется еще привести следующее сообщение Эдмунда Спенсера: «Один из... политических преступников, М., — был введен ко мне (в лагере у Суджук-Кале. — Г. Д.)... Он был очень известным автором и считался одним из самых ученых людей в империи, но так как он, к несчастью, принимал выдающееся участие в хорошо известном революционном движении в С.-Петербурге, то был наказан за свою вину,

¹ «Журнал Министерства народного просвещения», 1838, ч. XX, № 11, стр. 404.

² Там же, стр. 419.

³ С. Сафонов. Указ. соч., стр. 22.

⁴ В. Андреев. Указ. соч., стр. 85.

а это наказание было смягчено, принимая во внимание его литературный талант, изгнанием на Кавказ»¹. Не вызывает сомнения, что здесь речь идет о А. А. Бестужеве-Марлинском, который, действительно, в это время, в 1836 году, и позже бывал в данном районе. Но дальше автор сбивает нас своим заявлением о том, что упомянутый «политический преступник» служил на Кавказе 12 лет в качестве солдата и «таковы были его храбрость и хорошее поведение, что он был прощен и награжден паролем эполет. Однако прощение и почести пришли слишком поздно, так как бедный малый умер от чахотки»². Здесь Спенсер явно путает. Вероятно, в этом случае речь идет об А. И. Одоевском, хотя и тот умер вовсе не от чахотки и служил на Кавказе очень мало.

А. А. Бестужев осуждал жестокую политику царского самодержавия на Кавказе и в то же время выступал против идеализации «азиатской патриархальщины», сковывавшей развитие кавказцев. Он не сомневался в том, что присоединение к России принесет Кавказу большой прогресс. «Дайте Кавказу мир, и не щите земного рая на Евфрате... он здесь, — он здесь!», — восклицал Бестужев³.

¹ Е. Спенсер. Указ. соч., стр. 270.

² Там же, стр. 270—271.

³ А. Марлинский. Путь до города Кубы. Полное собрание сочинений. Часть X. «Кавказские очерки». СПб., 1838, стр. 204.

С горечью отмечая, что сведения о Кавказе «текут к нам сквозь иностранное решето», А. А. Бестужев критически отзывался о сочинениях иностранных кавказоведов, неверно или неточно рассказывавших об этой земле и остававшихся совершенно равнодушными к животрепещущим вопросам социальной жизни кавказских народов. «Слов нет, — писал он, — чрезвычайно любопытно читать о новооткрытой на Кавказе божьей коровке, о невиданном доселе репейнике... Все это необходимо в области наук; но для человека самое нужное, самая поучительная статья есть человек, и нам бы хотелось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними Меланхленами и спорить, происходят ли Бжедухи от Стробоновых Скептухов, коих, бог знает почему, г. Броневский назвал Скиптроносцами»¹.

Упрекал Бестужев и отечественных ученых, не уделявших должного внимания Кавказу. Его не удовлетворяли также газетные сведения.

В художественной же литературе Кавказ нередко идеализировался. 13 апреля 1837 года, прочитав новую повесть П. П. Каменского «Келиш-бей», об абхазском владетеле конца XVIII — начала XIX века Келешбее Шерва-

¹ А. Марлинский. Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев. Полное собрание сочинений. Часть X. «Кавказские очерки». СПб., 1838, стр. 10—11.

шидзе (Чачба)¹, А. А. Бестужев-Марлинский писал своему брату Павлу Бестужеву: «Клянйся Каменскому, читал я его Келиш-Бея — недурно, только зелено и чересчур пахнет Поэзою в «Дон-Карлосе»². П. П. Каменский в 1833 — 1837 годах находился в Грузии (Тифлис, Гори), куда он был сослан за какие-то «свободные разговоры»³. Служа здесь юнкером, он сперва дружил с Павлом Бестужевым, а затем «сделался закадычным другом Марлинского»⁴. В то время Каменский пользовался славой талантливого писателя; особый успех имели его кавказские повести.

Всюду, куда бы судьба не забрасывала А. А. Бестужева, он очень легко приобретал новых друзей и почитателей⁵. В Абхазии Бестужев сближается с первым абхазским ученым-этнографом С. Т. Званба (1809 — 1855)⁶. Некоторое время они служили в одной воин-

¹ Названная повесть П. П. Каменского, рассказывающая о жестокой борьбе различных политических ориентаций в Абхазии в начале XIX века, о стремлении абхазского народа к сближению с Россией, была опубликована в «Литературном прибавлении» к «Русскому инвалиду» от 20 и 28 января 1837 года.

² «Отечественные записки», 1860, т. 131, № 7, стр. 75.

³ В. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 225—226.

⁴ М. Ф. Каменская. Воспоминания. «Исторический вестник», 1894, т. 58, X, стр. 55.

⁵ М. Васильев. Декабрист А. А. Марлинский, как писатель-этнограф. «Научно-педагогический сборник», 1, Казань, 1926, стр. 57.

⁶ О нем: Г. А. Даидзария. Указ. соч.

С. Т. Званба
Литография В. Делба. 1969 г.

ской части. Есть основания полагать, что А. А. Бестужев и другие русские дворянские революционеры оказали определенное влияние на развитие общественно-политических взглядов Званба. Деятельность Званба была ярким проявлением культурного влияния России на абхазов, подобно, скажем, деятельности Шоры Ногмова (1801 — 1844) у адыгов, вместе с декабристами служившего в Отдельном Кавказском корпусе¹, проживавшего несколько лет в Тифлисе и занимавшегося научными изысканиями².

Под влиянием Бестужева-Марлинского, в частности, у Соломона Званба, очевидно, возник глубокий интерес к изучению этнографии Абхазии. Сотрудничая в тифлисской газете «Кавказ», Званба в первой половине пятидесятых годов опубликовал несколько ценных очерков, положивших начало серьезному этнографическому изучению быта абхазского народа и составивших крупный вклад в абхазоведение. Сборник статей Званба в 1955 году был издан в Сухуми под названием «Этнографические этюды».

Как известно, А. А. Бестужев был прекрасным знатоком этнографии. Кавказские повести и очерки писателя, по словам Н. И. Греча,

¹ «Очерки истории Адыген», т. I, Майкоп, 1957, стр. 321.

² Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа и др. История Грузии, I. Учебное пособие. Тбилиси, 1962, стр. 504.

«созданные... под солдатскую шинелью в ущельях Кавказа»¹, свидетельствуют о его серьезном интересе к истории, обычаям, фольклору народов этого края. Они «славились не только своей занимательностью, но ценлись и с фактической стороны»². Бестужев сыграл важную роль в развитии русского кавказоведения³.

В Сухуме в 1837 году А. А. Бестужев встречался и со своим азербайджанским другом Мирзой-Фатали Ахундовым. В мае того же года в горную Цебельду была предпринята военная экспедиция под начальством главнокомандующего на Кавказе Г. В. Розена. При нем находились также А. А. Бестужев, В. С. Норов, М.-Ф. Ахундов, С. Т. Званба, начальник штаба Кавказского корпуса В. Д. Вольховский.

По окончании цебельдинской кампании русский отряд возвратился в Сухум. Здесь его поджидали суда, на которых он должен был отправиться к мысу Адлер. За три дня до отплытия барон Розен дал обед, на котором присутствовали Бестужев и Ахундов. За обедом Розен просил Бестужева совместно с автором «Восточной поэмы на смерть А. С. Пуш-

¹ Н. И. Греч. Записки о моей жизни, «Academia», М.-Л., 1930, стр. 474.

² Н. Мордовченко. А. А. Бестужев-Марлинский. В кн.: А. Бестужев-Марлинский. Полное собрание стихотворений. Л., 1961, стр. 39.

³ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, стр. 161—163.

кина» — Ахундовым перевести эту поэму на русский язык. Поэма вышла в свет в прозаическом переводе¹. В более позднем стихотворном переводе этой поэмы великого азербайджанского писателя и мыслителя, написанной под свежим впечатлением известия о трагической гибели А. С. Пушкина, имеются такие строки:

Пусть Николай парит от Волги до Китая,
но покорил весь мир лишь Пушкин — исполни!²

Ценные сведения об Абхазии содержатся в письмах Бестужева-Марлинского. Правда, он, как утверждает в своих воспоминаниях Я. И. Костенецкий, вообще «был очень осторожен в своей переписке»³. Это и естественно. Военный министр граф Чернышев 9 декабря 1834 года писал начальнику Почтового департамента князю А. Н. Голицыну: «...Государю императору благоугодно, дабы обращено было особое внимание почтового начальства на переписку Александра Бестужева с Полевым»⁴.

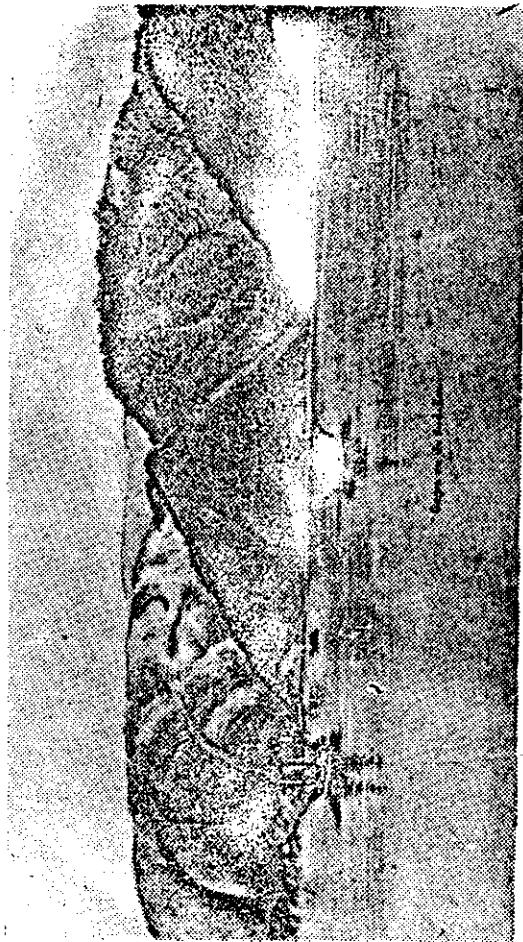
В один из весенних дней 1836 года Бестужев совершил прогулку по окрестностям Сухума. Его внимание привлекли развалины

¹ Мирза-Фатали Ахундов. Сочинения, Тбилиси, 1938, стр. 361.

² «Антология азербайджанской поэзии», т. II, М., 1960, стр. 173. Перевод П. Антокольского.

³ «Русская старина», 1900, т. 104, стр. 456.

⁴ Цит. по ст.: Д. Гирсев и С. Недумов. Декабристы на Кавказе. «Известия» Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. XIX, Орджоникидзе, 1957, стр. 158.

Гагра, 1833 г.
Рисунок из атласа „Voyage au Caucase et en Crimée“
Фредерика Дюбуа де Молпера, Париж, 1843.

башни, видимо, Великой абхазской (келасурской) стены у моря, или замка Баграта, находящегося неподалеку от этого памятника. Несомненно, под впечатлением этой прогулки Бестужев писал своему брату Павлу 23 апреля 1836 года из Геленджика: «В самом деле, как можно сравнить природу и воды около Сухума с нищими окрестностями Геленджика, а что до губельности климата — все один черт по всему берегу Черного моря»¹.

А. А. Бестужев в своих письмах с болью говорит о гнетущей, невыносимой для воинских частей жизни в Абхазии. В письме к своим братьям Николаю и Михаилу от 19 июля 1836 года из Керчи он писал: «Не знаю, как-то перенесу предлежащее мне испытание в Абхазии, куда я назначен. Батальон этот расположен в Гагре и Пицунде, в самых гробовых местах Черноморского побережья. Места эти имеют только морем сообщение между собою, и то чрезвычайно редко. Нет ни зелени, ни живности, потому что за вал нельзя высунуть носа, а в самой крепости ходить — пули врагов с окрестных скал бьют людей даже на койках. Полтора комплекта в год поедается там цынгой и лихорадками, и не было примера, чтобы кто-нибудь выжил там более двух лет или после двух лет без страданий до конца жизни, — а жизнь коротка после Гагр»².

¹ «Отечественные записки», 1860, т. 131, № 7, стр. 59.

² «Русский вестник», 1870, т. 88, № 7, стр. 68.

В тот же день Бестужев отправил письмо братьям Николаю и Ксенофонту Полевым, издателям журнала «Московский телеграф», в котором писал: «Вы должны были получить одно мое письмо через Севастополь, писанное на фрегате Бургас, после поездки в Сухум-Кале и Мингрелию. Да или нет? Я часто хожу теперь по морю, и все мое младенчество обновляется мне, когда рыщу по валам Черного моря... Я переведен в ужасный климат Абхазии. Есть на берегу Черного моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. Туда не залетает ветер; жар там от раскаленных скал нестерпим, и, к довершению удовольствий, ручей пересыхает и превращается в зловонную лужу. В этом ущелье построена крепостишка, в которую враги бьют со всех высот в окошки; где лихорадка свирепствует до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона, а остальные не иначе выходят оттуда, как с смертоносными обструкциями или водянкою. Там стоит 5-й Черноморский батальон, который не иначе может сообщаться с другими местами как морем, и, не имея пяди земли для выгонов, круглый год питается гнилою солониной. Одним словом, имя Гагры, в самой губельной для русских Грузии, однозначаче со смертным приговором»¹.

Бестужев писал еще о Гагре в письме графу А. Х. Бенкендорфу от 13 июля 1836 года.

¹ «Русский вестник», 1861, т. 32, IV, стр. 479—480.

следующее: «...Я убежден, что его императорское величество, назначая меня при производстве в 5-й Черноморский батальон в крепость Гагры, не предполагал, сколь смертоносен этот берег Черного моря, погребенный между раскаленных солнцем скал, лишенный круглый год свежей пищи и воды, даже воздуха... Для меня, полуживого, Гагры будут неизбежным гробом...» Далее Бестужев просил спасти его «от верной гибели каким-либо переводом», ибо здоровье поражено «тлетворным дыханием Гагр»¹.

А вот описание Гагры, данное С. В. Сафоновым, посетившим местечко через три дня после этого письма Бестужева, т. е. 16 июля 1836 года: «Мы пришли в крепость Гагра. Вообразите себе, у подошвы двух высоких, отвесных гор, притиснутое к самому морю небольшое четырехугольное строение, не более 60 сажен длины в одном фасаде, обнесенное деревянным забором с плетневыми турами и с деревянными по углам башенками; посреди этого строения несколько домиков, мазанок, балаганов, и это крепость Гагра; и эта крепость, отдаленная от всяких сообщений сухим путем, окруженная горами, с которых горцы пускают прямо в середину крепости пули, — защищается двумя ротами солдат... Здесь жизнь есть ничто иное, как цепь постоянных

¹ А. А. Бестужев-Марлинский, Сочинения в двух томах, т. 2, М., 1958, стр. 670—671.

лишений, беспокойств и опасности. Жители Гагры с одной только стороны спокойны, именно со стороны моря. Слабое утешение! От того-то они с такой радостью, с таким наслаждением смотрят на всякое судно, проходящее к их берегам. Они видят в нем как бы посредника, соединяющего их с остальной частью мира...» Горцы часто «пускают пули в середину самой крепости со скалы, отвесно стоящей над нею, и часто солдаты, говоря их языком, отыскивают в каше черкесские пули»¹.

Э. Спенсер, посетивший Гагру в том же 1836 году, свидетельствовал, что горцы «владеют верхней частью ущелья и горами, которые господствуют над фортом, так что военные люди моментально подвергаются их нападению...»².

К этим свидетельствам можно присоединить признание Г. И. Филиппсона: «Продовольствие войск было скудно в сравнении с нашими приморскими укреплениями... Очень часто нижние чины не имели свежего мяса. Стесненные, скука, лишения и тревога при вредном климате опустошали гарнизон абхазскою лихорадкою и цынгою. Гагры были ссыльным местом»³.

Начальник второго отделения Черноморской береговой линии генерал Ольшев-

¹ С. Сафонов. Указ. соч., стр. 30—32, 35.

² E. Spenser. Указ. соч., стр. 286.

³ Г. И. Филиппсон. Указ. соч., «Русский вестник», 1886, кн. 6, стр. 306.

ский в рапорте на имя Н. Н. Раевского от 9 июля 1839 года отмечал, что в Гагре больных — 67 человек, а в околотке — 80. «После осмотра Гагры, — писал он далее, — у меня кровь бросилась в голову. Боюсь, что я совершенно заболею, ежели проживу в этом аду несколько дней. Надобно уничтожить это развительное гнездо»¹.

В том же 1839 году Николай I в разговоре с кавказским офицером, побывавшим в плену у Шамиля, спросил о состоянии Черноморской береговой линии. Офицер ответил: «Укрепления малы, гарнизоны слабы, изнурены болезнями, едва в силах обороняться от горцев, которых не они, а которые их держат в постоянной блокаде»².

Все это — губительный климат, продолжительное пребывание в сырых землянках, цынга и другие болезни довели Бестужева до крайнего физического изнеможения. «Я похож на тень, и только по боли чувствую, что я тело», — писал он в те дни³.

Именно сюда А. А. Бестужев был загнан по личному повелению Николая I. В ответ на попытку облегчить участь прославленного писателя-декабриста венценосный палач ответил: «Я против того мнения, гораздо лучше его оставить там и подальше от прочих, произведя

¹ «Архив Раевских», т. III, СПб., 1910, стр. 174 — 175.

² «Русский архив», 1881, кн. 2, стр. 242.

³ «Русский вестник», 1861, т. 32, IV, стр. 480.

Гагринская крепость. 1836 г.

Рисунок Н. Г. Чернецова
Государственный русский музей, Ленинград

в у.-о. в один из черноморских линейных батальонов в Гаграх или подобном месте»¹. Таким образом, Гагринское укрепление было «выбрано для него потому, что славилось своим губительным климатом»².

А. А. Бестужев в последний раз обращается с такой же просьбой к царю через новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова. В личном письме последнего Николаю I с ходатайством о Бестужеве говорилось: «У него не проходит лихорадка, и очень скверная лихорадка уже с давних пор; климат Гагр, в котором находится его гарнизон, возможно прикончит его в короткое время»³. Наконец приказом от 18 октября 1836 года А. А. Бестужев был переведен, как сообщал он своим братьям Николаю и Михаилу 23 ноября 1836 года, «из смертоносного места Гагр в город Кутаис» в 10-й Черноморский линейный батальон. Хотя «в сравнении с Гаграми Кутаис — столица», но и здесь в то время свирепствовали «мингрельские лихорадки»⁴. «Климат там — отечество лихорадок», — писал Бестужев в другом письме⁵.

¹ Цит. по кн.: В. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 218.

² Г. И. Филипсон. Указ. соч., «Русский архив», 1883, кн. 5, стр. 181.

³ А. А. Бестужев-Марлинский. Сочинения в двух томах, т. 2, стр. 719.

⁴ «Русский вестник», 1870, т. 88, № 7, стр. 70.

⁵ Там же, 1861, т. 32, IV, стр. 483.

13 апреля 1837 года он извещал мать, что его часть двинется сперва в Цебельду, а потом — «мимо Гагр, на мыс Адлер... Путь туда по склонам и стремнинам, по берегу моря; Термопилы¹ перед этой дорогой — Невский проспект»². В тот же день А. А. Бестужев послал письмо и своему брату Павлу, в котором содержатся такие любопытные сведения: «Борис Чилаев (Чилашвили. — Г. Д.) в Бамборы. Норденстам³ секретно осмотрел дорогу по хребту от Гагр к Адлеру: это ужас! и по ней поделаны завалы... от природы и недостатка фуража мы потерпим много. Теперь выступаем в Цебельду, оттуда недели через две-три воротимся... Опять увижу Черное море, опять на нём поплаваю... Виды здесь — прелесть; природа утешает меня за злость людей»⁴.

Обращает внимание сообщение Бестужева о Чилаеве (Чилашвили), который в 1837 году являлся командующим войсками в Абхазии. Борис Гаврилович Чилашвили (1798—1850) — видный деятель грузинской культуры первой половины XIX века, связи которого со многими декабристами, в первую очередь с А. А. Бес-

¹ Фермонылы — горный проход в Греции. Здесь в 480 году до н. э. произошла битва между огромной армией персидского царя Ксеркса и горсткой спартанцев во главе с царем Леонидом, героически защищавших Фермопильский проход.

² «Отечественные записки», 1860, т. 131, № 7, стр. 74.

³ О нем: АКАК, т. X, ч. I, стр. XXVIII; КЭС, I, стр. 304.

⁴ «Отечественные записки», 1860, т. 131, № 7, стр. 75.

тужевым — «старым однокашником» (они вместе воспитывались в Горном кадетском корпусе), представляют большой интерес¹. Надо сказать, что Борис и его брат Егор Чилашвили были хорошо известны в Петербурге и Москве². Последний, например, до приезда в Грузию играл заметную роль в московских масонских кругах и пользовался известностью как писатель и переводчик Монтескье и Маблль³. А в Грузии он вместе с С. Додашвили, А. Чавчавадзе и другими передовыми представителями грузинской феодальной интеллигенции был втянут в заговор 1832 года⁴.

12 мая 1837 года А. А. Бестужев написал письмо К. А. Полевому, названное им «В сердце Цебельды». «Вот уже три недели, — сообщал он, — как я шляюсь по новому для меня краю Мингрелии, Абхазии, и новому для русских вообще краю Цебельды. Виды — прелесть, но люди... бедны, как нельзя более, в краю, роскошном дарами природы...» Некоторые русские солдаты, бежавшие в этот горный район, «проевеле тут до 35 лет, женились, вывели детей... Около 1-го июня мы двинемся за Гагры,

¹ См. В. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 554—555.

² О них: АКАК, т. X, ч. I, стр. XXXIII; КЭС, I, стр. 303.

³ О. П. Маркова. Финансово-экономическое обследование Грузии в первой трети XIX в. «Исторические записки», 1949, № 30, стр. 193—194.

⁴ Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа и др. История Грузии, т. I, стр. 458.

там народ боевой и природа ужасная трудностями; надо будет по отвесным скалам пробивать дорогу под пулями врагов, под градом камней и стрел...»¹.

Два письма, адресованные А. А. Бестужеву, утонули в бурной реке Кодор с почтой. В связи с этим он писал из Сухума матери 30 мая 1837 года: «Реки здесь страшнее всех тигров и черкесов вместе»².

В начале июня 1837 года Г. В. Розеном, под непосредственным командованием генерала В. Д. Вольховского, была начата военная экспедиция на Адлер. В ней участвовали А. А. Бестужев, который в это время состоял адъютантом при Вольховском, а также М.-Ф. Ахундов, В. С. Норов и С. Т. Званба. Это был последний поход Бестужева. Он словно почувствовал приближение развязки своей многострадальной жизни. Утром 7 июня на фрегате «Анна», на виду мыса Адлер, Бестужев составляет духовное завещание³ и в тот же день уходит из жизни. Тело декабриста так и не было найдено, что дало повод к различным домыслам. Правда, имя его значится в ведомости об убитых и раненых при занятии десантом мыса Адлер⁴.

¹ «Русский вестник», 1861, т. 32, IV, стр. 485.

² Там же, 1870, т. 88, № 7, стр. 75.

³ См. «Отечественные записки», 1860, т. 131, № 7, стр. 79.

⁴ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6331, л. 5; ф. 548 (гр.), оп. 3, д. 188, л. 68.

Спустя два года, 15 августа 1839 года, недалеко от места гибели Бестужева, в только что отстроенном форте Лазаревском, в устье реки Псезуапсе, от злокачественной малярии умер другой декабрист — замечательный русский поэт А. И. Одоевский¹. Он скончался на руках декабриста Н. А. Загорецкого. Похоронили Одоевского у самого морского обрыва. Существует предание, что когда весной 1840 года горцы овладели царскими фортами, построенными на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа, они отдали могиле Одоевского воинские почести, узнав что в ней покоится прах поэта-мученика². Эту могилу поэт увековечил его великий друг М. Ю. Лермонтов в стихотворении, посвященном памяти Одоевского:

И мрачных гор зубчатые хребты...
И, вокруг твоей могилы неизвестной,
Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;

¹ Между прочим, при возведении форта Лазаревск, 24 марта 1839 года, в гарнизоне его была оставлена 4-я мушкетерская рота Тенгинского полка в количестве 200 солдат с соответствующим числом унтер-офицеров. К 1 января 1840 года в ней оставалось налицо 108 солдат и 15 унтер-офицеров; остальные умерли. («Военный сборник», 1874, № 9, стр. 10, см. 1).

² А. В. Понов. А. И. Одоевский на Кавказе. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 4, Ставрополь, 1952, стр. 238.

А. И. Одоевский

Рисунок Н. А. Бестужева. 1833 г.
Из кн. «Литературное наследство», т. 60, II, кн. 2,
изд. АН СССР, М., 1956

Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимаю,
А море Черное шумит не умолкая!

¹ М. Ю. Лермонтов. Собрание сочинений в четырех томах, т. 1, М.-Л., 1961, стр. 463.

С Абхазией, как мы видели, соприкасался и Владимир Дмитриевич Вольховский (1798 — 1841) — лицейский друг А. С. Пушкина, который состоял членом тайных революционных обществ декабристов¹. На Кавказ он, как находившийся «на замечании», был «переведен» в 1826 году. Участник войн 1826 — 1829 годов с Персией и Турцией, Вольховский известен как выдающийся военный деятель. В 1830 году он являлся генеральным консулом в Египте. «Дружеские связи Вольховского с декабристами на Кавказе, его родственные связи с декабристом-свояком Розеном — могли тоже повлиять на его службу... Вольховский не пользовался расположением Паскевича, напротив, был ненавидим им. Паскевич же пользовался особым расположением» Николая I².

С 1832 года Вольховский в чине генерал-майора состоял начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса³. Он был избран на эту должность новым главнокомандующим на Кавказе Г. В. Розеном, известным как очень осторожный «покровитель» декабристов. Вольховский же, как отмечалось, «делал все, чтобы... облегчить положение ссыльных» дворянских революционеров⁴. Лица, близко знавшие

¹ М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы, стр. 71, 130, 580.

² [Н. Гастфрейнд]. Товарищи Пушкина по императорскому царскому лицу, т. 1, СПб., 1912, стр. 138—139.

³ АКАК, т. VIII, ч. I, стр. XI.

⁴ В. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 216—217.

его, писали, что он являлся «ангелом-хранителем всей довольно многочисленной семьи декабристов, поступивших на Кавказ»¹. Вольховский, в частности, заботился об А. А. Бестужеве, приглашал его к себе, «неоднократно удерживал от опасностей»².

Вольховский и Грибоедов были питомцами Московского университета, но особенно они сблизились на Кавказе. Вольховский разделял идеи авторов Проекта создания Российской закавказской комиссии, принципиально отрицавших «крепостное право»³.

В 1837 году В. Д. Вольховский участвовал в военных действиях в Абхазии, а также командовал десантным отрядом при занятии Адлера. Здесь он встречался с А. А. Бестужевым-Марлинским, М. Ф. Ахундовым, С. Т. Званба. В том же году Вольховский был «переведен» с понижением в должности в Литву, а в 1839 году вышел в отставку⁴. «Двадцать лет, — писал Вольховский, — продолжал я службу... но 1837 год был пределом моего благополучия»⁵. Кавказ вынужден был покинуть также Г. В. Розен. Николай I, посетив-

¹ И. Ениколопов. Грибоедов и Восток, Ереван, 1954, стр. 89.

² «Харьковские губернские ведомости», № 93, 1891, стр. 2. Цит. по указ. соч. В. Шадури, стр. 221.

³ И. Ениколопов. Указ. соч., стр. 158—159.

⁴ М. О. Косвен. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. КЭС, II, стр. 181.

⁵ ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 3, л. 27, л. 1.

ший край в 1837 году и оставшийся недовольным положением дел, отстранил и некоторых других служивших здесь офицеров, сочувственно относившихся к ссыльным декабристам. В связи с этим положение последних еще более ухудшилось.

В. Д. Вольховский, по характеристике русского офицера Ф. Ф. Торнау, знавшего его хорошо по Кавказу в 30-х годах, был умный, скромный и честный человек¹. Он «во всю жизнь не мог избавиться от врожденной застенчивости и резко смотрел в глаза только человеку, имевшему несчастье его рассердить»².

Прослужив много лет на Кавказе, Вольховский приобрел обширные познания о данном крае и его населении. Об этом свидетельствует составленная им «Ведомость народам, обитающим между морями Черным и Каспийским, на пространстве, подвластном России, с означением народонаселения сих племен, степени их покорности к правительству и образа правления. 15 июня 1833 года». К этой «Ведомости» приложена «Карта народов, обитающих между морями Черным и Каспийским, на пространстве, подвластном России»³. В «Ведо-

¹ [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания кавказского офицера, ч. II, стр. 171.

² [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания о Кавказе и Грузии. «Русский вестник», 1869, т. 79, № 2, стр. 405.

³ ЦГВИА ф. ВУА, д. 1030, ч. 1, лл. 68—79 и карта.

В. Д. Вольховский

Рисунок из кн. Н. Гастфрейнда «Товарищи Пушкина по императорскому царскому лицу», т. 1, СПб., 1912.

мости» и легенде на упомянутой карте приводятся названия народов и племен, населявших значительную часть территории Кавказа, обозначения их численности и отметки об их по-

литической ориентации. В числе этих народов — грузины, абхазы, адыги (черкесы) и другие.

Следует полагать, что в изучении Абхазии, как и всего Западного Кавказа, большой интерес для Вольховского представили сведения русского военного лазутчика Ф. Ф. Торнау (1810 — 1890)¹. Именно ему поручил Вольховский «осмотреть тайным путем морской берег»². В рапорте на имя генерала Раевского от 20 февраля 1835 года из Бамборы Торнау так и писал: «Вследствие приказания, данного мне вашим превосходительством, я по прибытии своем в Абхазию немедленно занялся изучением способа к проезду от Гагр к Геленджикку для осмотра дорог, пролегающих между сими местами»³. Вольховский встретил Торнау в Тифлисе «с предложением отказаться на долгое время от общества и от всех его удовольствий, преобразоваться с виду в черкеса, поселиться в горах и посвятить себя на сообщение сведений»⁴.

Сухопутное сообщение вдоль восточного берега Черного моря в 1835 году было дове-

¹ О нем: АКАК, т. XII, ч. I, стр. XII; КЭС, I, стр. 150, 162.

² [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 13.

³ Центральный государственный архив Грузинской ССР в Тбилиси (ЦГАГТ), ф. 416, оп. 2, 1835 г., д. 23, л. 10.

⁴ [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 13.

дено только до Гагры. Его продолжение требовало предварительной военной разведки. В самой Абхазии «непокорными» оставались горные районы (Цебельда, Дал, Псху и др.), и кавказское командование нуждалось в топографических и политических сведениях и об этих районах и их населении.

Засылка разведчиков в «непокорные» местности Кавказа практиковалась уже сравнительно давно. В 1829 и 1830 годах, перед так называемой «Абхазской экспедицией», дважды побывал у черкесов Г. В. Новицкий¹. Как он сам сообщал, его целью было обследование «всего Закубанья, Большой и Малой Кабарды и местности на восточном берегу Черного моря, между Гагрой и Анапой, населенной племенами адыге и абазде»². В 1830 году барон И. К. Аш³ составляет «Военно-статистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелией, крепостью Анапою, Черным морем и северо-западную частью Кавказского станового хребта»⁴. Он же — автор «Описания Цебельды и дорог, ведущих из оной в Абхазию и закубанскую сторону к жарачаевцам и чеченцам»⁵. В 1834 году И. В. Шаховский⁶ прошел

¹ О нем: АКАК, т. X, ч. I, стр. XXVII; КЭС, I, стр. 300; II, стр. 201.

² КЭС, I, стр. 300.

³ О нем: КЭС, II, стр. 150.

⁴ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 103212, лл. 1—34.

⁵ Там же, ф. 563, Н. Н. Раевского, д. 146.

⁶ О нем: КЭС, I, стр. 325; II, стр. 207.

из Грузии (через Сванетию) в Кабарду и обратно¹. Эти офицеры дали ряд ценных для кавказского командования сведений, хотя пребывание их у горцев было довольно кратковременным, а маршрут коротким.

Барону Торнау было поручено произвести военную разведку в горах Абхазии и на Черкесском берегу Черного моря. Полковник барон фон-дер Ховен 25 июля 1835 года писал: «Дабы в будущее время можно было продолжать такое полезное предприятие (устройство военной дороги. — Г. Д.) от Гагры далее к Гелсиджику, то предварительно необходимо получить нам нужно топографических и статистических сведений о совершенно еще неизвестных нам сих странах...»²

Торнау прибыл в Абхазию в декабре 1834 года. Всю зиму он посвятил ознакомлению с приморской Абхазией и установлению связей с преданными царизму местными феодалами. К нему был прикомандирован абхазский офицер Н. Н. Шакрыл в качестве переводчика и проводника, и он, по словам Торнау, служил «как нельзя лучше»³. Действительно, владея несколькими языками (абхазским, русским, черкесским, турецким) и «зная основательно свою родину», он вместе с С. Т. Званба много помог Торнау в сборе физико-географических,

¹ М. О. Косвен. Материалы по истории этнографии в русской науке. КЭС, I, стр. 325; II, стр. 207.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, л. 2.

³ ЦГАГТ, ф. 416, оп. 2, 1835 г., д. 23, л. 21.

историко-этнографических и статистических сведений об Абхазии¹, а также в знакомстве его с «языками и наречиями, находящимися в употреблении за Кубанью»². И когда Шакрыл в 1835 году утонул в р. Бзыбь, во время переправы на пароме, то «это известие, — писал Торнау, — чрезвычайно огорчило, потому что я привык видеть в Шакрылове моего неразлучного товарища и любил его за добрый нрав и за качество ума...»³.

Но в ту пору, несмотря на все свои старания, Торнау не мог найти удобного случая проникнуть в Гагры и далее. Потерпевший неудачу на прямом пути, он по совету абхазского дворянина Миканба решил пробиться на Черкесское побережье обходным путем. В мае 1835 года Торнау направился из Абхазии по ущелью реки Гумиста, через Главный Кавказский хребет на Северный Кавказ, где спустился в долину реки Зеленчук. Здесь он устанавливает связь с некоторыми абазинскими дворянами, а в конце июня 1835 года является в расположение царских войск в Баталпашинской станице. Этим закончилось первое путешествие Торнау. В августе 1835 года он снова отправился в горы. Поднявшись вверх по ущелью реки Малой Лабы, перешел через Глав-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, лл. 1—2. Рапорт Х. Ховена Ф. Шуберту от 25 июля 1835 г.; [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 40—41, 70.

² Ф. Ф. Торнау, Указ. соч., ч. I, стр. 72, 112.

³ Там же, стр. 75.

ный хребет и по долинам рек Мзымта и Саше (Сочи) направился в землю убыхов. Отсюда он повернул на юг и через три дня явился в Гагринское укрепление, откуда поехал в Тифлис. Третий раз Торнау отправился в разведку летом 1836 года для обозрения участка побережья от Сочи до Геленджика. Но во время этого путешествия счастье изменило ему: он был опознан и на реке Курджипсе взят в плен, из которого сумел бежать лишь в ноябре 1838 года¹.

Однако до пленения Торнау успел отослать все добытые им сведения военного характера, касающиеся топографии, экономической географии, военной и политической ситуации в горных районах Северо-Западного Кавказа, чем воспользовалось кавказское командование при организации так называемой Черноморской береговой линии и в дальнейшем осуществлении своей завоевательной политики в этом районе.

Многочисленные отчеты и рапорты Торнау, хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве (Москва), Центральном государственном архиве Грузинской ССР (Тбилиси) и Государственном архиве Краснодарского края (Краснодар), вместе с

¹ См. ЦГАГТ, ф. 416, оп. 2, 1835 г., л. 23; Е. Вейденбаум. Предисловие к т. XII «Актов, собранных Кавказскою археологическою комиссиею» (АКАК), ч. I, Тифлис, 1904, стр. XII.

тем «пролили первый свет на неведомые досих пор части Кавказа»¹. Впоследствии содержание их вошло в его сочинения «Воспоминания кавказского офицера» (М., 1864), «Воспоминания о Кавказе и Грузии» («Русский вестник», 1869, т. 79, 1—4) и др.

С 1837 года на Кавказском Черноморье начинается деятельность генерала Николая Николаевича Раевского (1801 — 1843), что имело важное значение для этого края и судеб находившихся здесь декабристов.

Н. Н. Раевский — друг А. С. Пушкина (как известно, великий поэт посвятил ему свою поэму «Кавказский пленник»), деятель декабристского круга, сын знаменитого героя Отечественной войны 1812 года, показавшего чудеса храбрости в сражении с кавалеристами наполеоновского маршала Даву². Полковник Н. Н. Раевский вместе с братом Александром в 1825 году был арестован по делу декабристского движения. Правда, вскоре братьев Раевских освободили, но, как свидетельствовал декабрист Н. И. Лорер, их «взяли на замечание

¹ Е. Вейденбаум. Указ. соч., стр. XII.

² На театр военных действий генералом Раевским был взят и Николай вместе с другим своим сыном. Подвиг Раевского и его молодых сыновей был воспет В. А. Жуковским в его известном стихотворении «Певец во стане русских воинов»:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.

и считали либералами и опасными людьми»¹. Сестра Раевских, Мария Николаевна, жена декабриста С. Г. Волконского, самоотверженная русская женщина, последовавшая за мужем в Сибирь. По словам Г. И. Филиппсона, Н. Н. Раевский еще в молодости увлекался героями Великой французской революции и «был замешан в драме, окончившейся кровавою развязкою 14 декабря»². Между прочим, и сам Г. И. Филиппсон, который во время восстания декабристов учился в школе юнкеров в г. Могилеве, «попал на дурное замечание у начальства»³.

В 1826 году находившийся «на подозрении» Н. Н. Раевский был «переведен» в Грузию. Он отличился в войнах 1826—1829 годов с Персией и Турцией, командуя драгунским Нижегородским полком⁴. Недаром Пушкин в «Путешествии в Арзрум» рисует его как одного из талантливейших военачальников. Между

¹ Н. И. Лорер. Записки, М., 1931, стр. 203.

² Г. И. Филиппсон. Указ. соч., «Русский архив», 1883, кн. 6, стр. 268.

³ Там же, кн. 5, стр. 180.

⁴ Когда-то, во времена императрицы Екатерины II, этим полком командовал его отец Николай Николаевич Раевский, который в возрасте 22 лет, женившись на племяннице М. В. Ломоносова, получал назначение на Кавказ. Он принимал участие во многих походах и боевых делах, показал себя талантливым и храбрым офицером. (Н. Задонский. Денис Давыдов, М., 1959, стр. 61).

прочим, в рядах Нижегородского полка было немало грузинских воинов-солдат и офицеров, со многими из которых мог познакомиться великий поэт во время своего пребывания в этом полку. Поэт Александр Чавчавадзе, например, уважал Раевского и сочувствовал ему¹.

С 1837 года деятельность Раевского переносится на Кавказское Черноморье, где с января 1839 года он являлся начальником всей Черноморской береговой линии, которой царское правительство придавало большое значение для прочного завоевания северо-западной части Кавказа. Эта линия, с одной стороны, отрезала горцев от морских сношений с Турцией, а с другой, лишала их возможности пользоваться зимой пастбищами в прилегающей к морю зоне, что в суровые зимы приводило к массовому падежу скота. Словом, учреждение Черноморской береговой линии и занятие побережья русскими укреплениями, говоря словами Ф. А. Щербины, «было логическим следствием тех задач, которые преследовала Россия в своих отношениях к Турции и Кавказу»².

Эта система военных укреплений, построенная в 30—40-х годах XIX века, играла важную роль также в борьбе против работорговли и

¹ В. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 201.

² Ф. Щербина. История Кубанского казачьего войска, т. II, Екатеринодар, 1913, стр. 292.

Н. Н. Раевский

Картина В. А. Тропинина. 1842 г. Из кн. «Архив Раевских», т. III, СПб., 1910.

контрабандного ввоза товаров. Не лишена была она и известного экономического значения.

К созданию надежной системы защиты Черноморского побережья Кавказа Россия приступила тотчас же после Адрианопольского мира 1829 года, когда началось вмешатель-

ство иностранцев в ее войну с горцами. Русское правительство вместе с тем усиливает блокаду берегов в данном районе, что создает угрозу колониальной торговле Англии. Во внешнеполитических же планах последней Северо-Западный Кавказ занимал особое место. Англия вместе с Турцией всячески стремились помешать укреплению береговой линии, ослабить Россию с тем, чтобы самим укрепиться на северо-восточном берегу Черного моря¹. Они разжигали борьбу горцев против присоединения Кавказа к России. За один только 1830 год к берегам Кавказа прибыло из Турции до 200 английских и турецких судов с военными грузами².

Такой активности способствовала, особенно в ночное время, незащищенность побережья, открытого с моря. Поэтому форсированию строительства охранной береговой линии уделялось большое внимание. Наиболее рациональной представлялась идея адмирала М. П. Лазарева, предложившего взамен сооружения дорогостоящей прибрежной дороги высадку охранных десантов с моря. Лазарев учитывал, что прокладке дороги мешали горы, а строительные отряды постоянно подвергались нападениям³. При этом он опирался на

¹ С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России, стр. 27—29.

² Б. Островский. Лазарев. «ЖЗЛ». М., 1966, стр. 150.

³ Там же, стр. 150—151.

возросшие возможности Черноморского флота, которым командовал с 1831 года и довел его до состояния высокой боеспособности¹. Высадкой десантных войск обычно руководил сам Лазарев. Он действовал в тесном контакте с командующим десантным отрядом Раевским, который, в свою очередь, высоко ценил способности Лазарева и был готов постоянно работать с ним. Заметим также, что руководимый адмиралом Лазаревым Черноморский флот играл большую роль в борьбе с контрабандой и работорговлей в рассматриваемом районе².

Вся система Черноморской береговой линии (укрепления, крепости и форты — в устьях рек, населенных пунктах и плодородных долинах) разделялась на три отделения: первое из них простиралось от устья Кубани до середины расстояния между Новороссийской и Геленджикской бухтами, второе — между Геленджиком и фортом Головинским, третье начиналось фортом Навагинским и тянулось до поста св. Николая, т. е. до турецкой границы. На территории Абхазии, включенной в третье отделение, находились укрепления Гагра, Пицунда, Бамбора и Мрамба (в Цебельде), крепость Сухум (местопребывание начальника отделения) и посты Дранда, Квитоул и Илори.

¹ М. Литвинов. Черное море, СПб., 1881, стр. 51—52.

² Б. Островский. Указ. соч., стр. 150, 152.

Рядом с крепостями было организовано прибрежное плавание; суда Черноморского флота постоянно крейсировали вдоль этой линии¹.

Гарнизоны укрепления составлялись преимущественно из черноморских линейных батальонов. Эти части оставались на одних и тех же местах без смен во все время существования Черноморской береговой линии, т. е. до Крымской войны. «Через это люди, оставаясь как будто взаперти, впадали в уныние и подвергались болезням, усиливавшимся еще более вследствие губительного для здоровья климата и изнурения сил, происходившего от тревожной жизни»². Гарнизонам, находившимся «в постоянной борьбе как с климатом, так и с врагом», «приходилось иногда по целым месяцам питаться черствыми сухарями и киною»³.

Поэт-моряк пушкинского времени Е. П. Зайцевский в стихотворении «Е. Ф. Р-ой»⁴ так

¹ «Военно-стратегическое обозрение Российской империи», т. XVI, СПб., 1853, стр. 36—37; ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 21, лл. 83 об—85. Лекции графа Н. П. Игнатьева в Военной академии генштаба по военной географии на тему «Кавказский край», 1852.

² Е. Васильев. Черноморская береговая линия, 1834—1835 гг. (Из Кавказской войны). «Военный сборник», 1874, № 9, стр. 8.

³ М. Литвинов. Указ. соч., стр. 50.

⁴ Цит. по кн.: В. Шадури. Русские писатели о Грузии, т. 1, Тбилиси, 1948, стр. 409—410.

отразил положение и настроение указанных гарнизонов¹:

И вот теперь живем в Сухуме!..
Горим на солнечных лучах,
Тоску любви, разлуки горе
Кой-как влечим на Черном море
И озираемся назад,
Не идет ли сменный нам отряд.

¹ Между прочим, Зайцевский в стихотворении «Абазия», написанном в Сухуме в 1823 году и посвященном Абхазии (напечатано в альманахе «Полярная звезда» на 1825 г.), восторженно писал об абхазской природе, выражая горячую любовь к этому краю (см. В. Шадури. Русские писатели о Грузии, т. I, стр. 410—411, 507):

Забуду ли тебя, страна очарований!
Где дикой красотой пленялся юный ум,
Где сердце силою пленительных мечтаний
Узнало первые порывы смелых дум
И в даль несло восторг живейших удивлений!
Волшебный край, прют цветов!
Страна весны и вдохновений!
Где воздух напоен дыханием садов
И горный ветерок жар неба прохладяет,
Где нега томная в тиши густых лесов
К забвению и мечтам так сладостно склоняет!
Где поражают робкий взор
Кавказа льдяные зубчатые вершины,
Потоки быстрые, леса по цепи гор,
Ауды дикие и темные долины!
Где все беседует с восторженной душой!
Там сладостно ночей теченье,
Роскошны сны и тих покой!
Там в грудь мою лились восторг и наслажденье,—
И я дышал огнем поэзии святой!

Потому именно в эти войска и направлялись многие декабристы и их единомышленники. Многие из них стремились попасть в часть к Раевскому.

Начало деятельности Раевского на Черноморье совпало с усилением наступления царизма на Северо-Западном Кавказе с целью окружить горские племена и отрезать их от Черного моря. В апреле 1839 года, в связи с предстоящей экспедицией генерала Раевского, в Тамани встретились старые товарищи по сибирской ссылке — декабристы А. И. Одоевский, Н. И. Лорер, А. И. Черкасов, М. И. Нарышкин, В. Н. Лихарев, К. Г. Игельстром, Н. А. Загорецкий. Друзья шумно отпраздновали свою встречу. На вечеринке был также брат А. С. Пушкина Лев Пушкин¹.

Примечательным событием была и встреча выдающегося революционного демократа Н. П. Огарева со ссыльными декабристами в лагере у Тамани. Он посвятил им свои вдохновенные стихотворения «И если б мне пришлось прожить еще тогда...» и «Я видел вас, пришельцы дальних стран»². Эта встреча — яркий показатель связи между русскими революционерами двух поколений. «Встреча с Одоевским и декабристами. — писал Огарев, — возбудила все мои симпатии до состояния ка-

¹ А. В. Попов. Одоевский на Кавказе, стр. 236.

² А. А. Олонецкий. Из истории великой дружбы, Тбилиси, 1954, стр. 48—49.

клуб-то восторженности. Я стоял лицом к лицу с нашими мучениками, и я — идущий по их дороге, я — обрекающий себя на ту же участь... Это чувство меня не покидало»¹.

В мае 1839 года все упомянутые декабристы участвовали под командованием Раевского в занятии устьев рек Шахэ и Субаши. В десантном отряде находились также секундонт А. С. Пушкина К. К. Данзас и художник И. К. Айвазовский, написавший известную картину «Высадка в Субаши»². Знаменитый маринист участвовал и в других десантных действиях Черноморского флота. Ему довелось трижды плавать с М. П. Лазаревым, а также с его сподвижниками В. А. Корниловым, С. П. Нахимовым и другими к кавказским берегам. Плодом этих плаваний явился ряд мастерски исполненных Айвазовским картин³. После занятия устья Субаши последовала высадка у устья реки Псезуапэ, а затем — у Анапы, в результате чего были заложены

¹ Н. П. Огарев. Кавказские воды. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, М., 1952, стр. 406.

² «Архив Раевских», т. III, стр. 122—123; А. В. Попов. Указ. соч., стр. 235—236.

³ Б. Островский. Указ. соч., стр. 154.

В числе этих картин — «Буря у берегов Абхазии», показанная в Париже на выставке в Лувре в 1843 году. Во время своего второго путешествия по Кавказу в 1868 году Айвазовский, среди других картин на кавказские темы, создал «Восточный берег близ Сухума».

форты Головинский, Лазаревский, Раевский и другие¹.

В этих опасных операциях декабристы находились под наблюдением Раевского, им симпатизировавшего. Как отмечал Е. Г. Вейденбаум, он вообще «не уклонялся вне службы от общества разжалованных офицеров»². Еще в 1829 году о Раевском говорили, что он, будучи командиром драгунского Нижегородского полка, «наполнил свой штаб большей частью из декабристов и ссыльных офицеров»³. Главнокомандующий на Кавказе — «ревнивый к своей славе» царский фаворит И. Ф. Паскевич, который пытался выместить на талантливом и популярном молодом генерале свою зависть и злобу, в письме на имя императора случай встречи Раевского с декабристом З. Г. Чернышевым и с разжалованными за принадлежность к польским тайным обществам Николаем Ворцелем и Станиславом Карвицким и другими опальными лицами расценивал как признак того, что «дух сообщества существует», и считал удаление Раевского делом весьма полезным⁴. Было произведено следствие над Раевским «за проезд его в обществе

¹ «Архив Раевских», т. III, стр. IV.

² Е. Вейденбаум. Декабристы на Кавказе. «Русская старина», 1903, т. CXIV, кн. VI, стр. 489.

³ «Воспоминания братьев Бестужевых», Пг., 1917, стр. 87.

⁴ В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. III, СПб., 1894, стр. 147.

Высадка отряда Н. Н. Раевского в Субаши
Картина И. К. Айвазовского, 1839 г. Из кн. «Архив Раевских»,
т. III, СПб., 1910.

государственных преступников...»¹. В результате Раевский был отстранен от командований полком и даже получил домашний арест на 8 дней.

Правда, впоследствии Раевский, стремясь оградить себя от возможных новых неприятностей, в отношениях с декабристами стал более осторожен. А в подписанном им в Тамани приказе от 26 апреля 1838 года даже говорилось: «Предлагаю гг. полковым командирам и частным начальникам иметь бдительный надзор, дабы разжалованные не имели с гг. офицерами никаких общественных сношений, не соответствующих их положению»². И сами декабристы устами Н. И. Лорера заявляли: «Наученный опытом, Раевский нас боялся, да и мы его избегали, чтобы невольно не ввести его в неприятное положение, т. к. доносчиков расплодилось много множество»³.

Но Раевский в этом вопросе все же в чем-то оставался самим собой. Будучи начальником Черноморской береговой линии, он выступает с острой критикой официальной политики на Кавказе, что усугубило неприязненное отношение к нему со стороны кавказского начальства. Положение Раевского осложнилось тем, что в это время главнокомандующим на Кавказе был генерал Е. А. Головин — ярый

¹ В. Потто. Указ. соч., т. III, стр. 147, 168.

² Цит. по указ. статье Д. Гиреева и С. Недумова, стр. 150.

³ «Русский вестник», 1874, кн. I, стр. 408.

реакционер, мистик и пенхопат, один из активных участников подавления восстания декабристов.

На «устройство нового, своеобразного края» Н. Н. Раевский направил « всю свою исключительную энергию и свои недюжинные военные и административные дарования »¹. Он хорошо понимал значение этих обширных и богатых земель. « Я опять повторяю, — писал он военному министру А. И. Чернышеву 27 декабря 1840 года, — что мы еще не умеем ценить важность приобретения восточного берега Черного моря. Оно удвоило пространство принадлежащих нам берегов всего моря. Его протяжение обширнее берега Франции на Средиземном море; соседство моря даст со временем сему краю первенство над Кавказской областью и Закавказским краем. Суда найдут надежное убежище в Новороссийске, Геленджике и Сухуме. Сии пристани не уступают пристаням Франции на Средиземном море. Долины восточного берега лежат под столь же теплым небом и изобильно орошены истоками ледяных гор и заключают обширные луга и богатые нивы. Горы, образующие сии долины, покрыты мачтовым и строевым лесом и, по свидетельству древних, там находятся в недрах земли другие источники богатства »².

¹ Б. Л. Модзалевский. Предисловие к «Архиву Раевских», т. III, стр. III.

² ЦГВИА, ф. 1396, (гр.), оп. 1, л. 70, лл. 10—12.

Раевский особое внимание обращал на установление прочной экономической связи России с Кавказским краем, а существовавшие на Черноморском побережье укрепления рассматривал не только как военные форпосты, но и как опорные пункты для развития торговли. Это было одним из откликов среди передовой части офицерства Отдельного Кавказского корпуса на взгляды декабристов, резко осуждавших завоевательную политику царизма и ратовавших за мирное сотрудничество с народами Кавказа¹.

Н. Н. Раевский заявлял, что «бесполезное кровопролитие» надо заменить «средствами мирными». Он утверждал: «Десятилетнее спокойствие и мирные сношения улучшили состояние края и сблизили жителей с русскими»². «Я с торжеством читаю, — писал он в рапорте на имя военного министра А. И. Чернышева от 28 февраля 1841 года, — все, что полк. Астафьев доносит... о развитии торговли с горцами»³. Ставя вопрос о своем уходе с должности начальника Черноморской береговой линии, Раевский давал такое наставление своему преемнику: «Наследнику моему предстоит блестящее поприще, если он убедится,

¹ А. В. Фадеев. Россия и Кавказ первой трети XIX в., стр. 367—368.

² Раевский. Записка о торговле с горцами и переселении на Восточный берег. АКАК, т. IX, ч. I, № 414, стр. 471.

³ Там же, стр. 505.

что набеги и опустошения вредят примирению края, и если он устоит против общего влечения к сим мнимым военным подвигам»; если он будет действовать в направлении осуществления плана «об устройстве и поселении края, основании городов в Новороссийске, Геленджике и Сухуме и развитии торговли с горцами»¹.

Н. Н. Раевский отмечал безынициативность русских купцов, высказывался против «странного способа» снабжения «русскими произведениями» Закавказья. Он просил правительство, поощряя развитие торговли на берегах Абхазии и Черкесии, предоставить русским купцам и ремесленникам, желающим переселиться туда, льготы, чтобы привлечь к экономическому развитию края «достойных negociантов». Раевский предлагал привлечь частный капитал к установлению торговых отношений с горцами, призывал к усилению борьбы против английской и турецкой контрабандной торговли, для чего должны были служить и укрепления на Черноморской береговой линии². А о вреде этой торговли со стороны султанской Турции, в частности, Раевский замечал: «Торговля с восточными берегами снабжала невольниками всю Турецкую империю, работ-

никами — трапезундские медные руды, женами — восточные гаремы»¹.

Высказывания Н. Н. Раевского, идущие вразрез с политикой правительства, естественно, вызывали враждебное отношение к нему прежде всего непосредственных его начальников на Кавказе Е. А. Головина и П. Х. Грабе. Ему стали приписывать вину за все неудачи на Черноморской береговой линии, упрекать за то, что его «оборонительная и милостивая система в отношении горцев» якобы поощряла их сопротивление. Придравшись к тому, что Раевский по своему почину предпринял постройку укрепления в Цебельде, Николай I объявил ему выговор. Узнав об этом Раевский немедленно подал заявление об отставке. Просьба была удовлетворена².

Уезжая навсегда с Кавказа, Раевский писал военному министру 28 февраля 1841 года: «...Я здесь первый и один по сие время возстал против пагубных военных действий на Кавказе, и от этого вынужден покинуть край. По поводу жестоких действий царских войск на Кавказе Раевский заявлял: «Я не вижу здесь ни подвигов героизма, ни успехов завоеваний Пицара (Pizagre) и Кортеца (Cortez)». Характерно, что в заключение этого своес-

¹ Н. Н. Раевский, Обзорные восточного берега Черного моря. «Архив Раевских», т. III, стр. 52.

² А. В. Фадеев. Россия и Кавказ первой трети XIX в., стр. 369.

³ АКАК, т. IX, ч. I, № 434, стр. 505.

¹ АКАК, т. IX, ч. I, № 268, стр. 268. Рапорт ген.-л. Раевского ген.-л. Головину от 24 января 1841 года.

² Раевский. Записка о торговле с горцами, стр. 474.

письма графу Чернышеву Раевский просил, чтобы в предполагаемых военных действиях войск не переходили реки Белой — естественной границы Кавказской линии, так как «иначе это уничтожит весь успех стараний о мирных сношениях и торговле с горцами»¹. Известно также обличение генералом Раевским «произвола, злоупотребления и беспорядков», царивших в органах царской администрации на Кавказе. «В областях Кавказского края, — писал он, — где не введено гражданское управление, мы, частные начальники, более похожи на турецких пашей, чем на русских чиновников»².

Живя в Керчи, где находились штаб и управление Черноморской береговой линии, Раевский часто предпринимал поездки на пароходе по всем укреплениям вверенного ему края и в описании этих своих поездок оставил чрезвычайно интересный и ценный исторический материал для всестороннего ознакомления с положением как в Абхазии, так и на всем Черноморском побережье в конце 30-х — начале 40-х годов XIX века. Таковы, например, «Обозрение восточного берега Черного моря» (1839 г.)³. «Записка... о торговле с горцами и переселении на Восточный берег»

¹ АКАК, т. IX, ч. I, № 434, стр. 505.

² Цит. по ст.: А. В. Фадеев, О внутренней социальной базе юридического движения на Кавказе в XIX веке, «Вопросы истории», 1955, № 6, стр. 74.

³ «Архив Раевских», т. III, стр. 47—100.

(1840 г.)¹, рапорты генералу Е. А. Головину от 8 апреля 1838 года² «касательно известных английских и других иностранных авантюристов», действующих на Кавказе³, и военному министру А. И. Чернышеву от 16 июля 1840 года о покорении пехульцев и способах действий против убыхов⁴, а также его записка (начало 1840 года) «О женитьбе абхазского владельца М. Шервашидзе»⁵ и др. А надо сказать, что Раевский, по словам начальника его штаба Г. И. Филиппсона, «говорил и писал очень хорошо»⁶. Причем свои донесения он, как правило, диктовал состоявшим при нем капитану Л. С. Пушкину и прапорщику П. А. Антоновичу⁷.

В Абхазии Раевский общался прежде всего с владельческим князем Михаилом Шервашидзе. Политика Раевского сводилась к тому, чтобы сделать его «действительным владельцем Абхазии»⁸.

Н. Н. Раевский ставил вопрос о поощрении

¹ АКАК, т. IX, ч. I, № 414, стр. 470—480.

² Там же, ч. I, № 394, стр. 454—455.

³ Там же, стр. 453. Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву от 6 мая 1838 г.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6422, лл. 1—4.

⁵ АКАК, т. IX, ч. I, № 208, стр. 180.

⁶ Г. И. Филиппсон, Указ. соч., кн. 6, 1883, стр. 268.

⁷ «Архив Раевских», т. III, стр. 48.

⁸ Г. И. Филиппсон, Указ. соч. «Русский архив», 1884, кн. I, стр. 209.

в Абхазии торгового земледелия, рыбного промысла и т. д. Он, в частности, выдвигал проект о развитии технических культур, учитывая природно-климатические условия данного края: «От севера и востока Абхазия заслонена Кавказским хребтом; от соседства моря жара в ней несравненно сноснее, чем в южной части Каспийской области, а зимою холода несравненно меньше, потому что сия последняя не закрыта от востока». Далее Раевский писал: «Край изобильно производит виноград, шелковицу, оливку, рис (просо?) и хлопчатую бумагу; некоторые опыты дают надежду, что там будут произрастать пробочный дуб, апельсиновое, чайное, камфорное деревья, индиго и лен Новой Зеландии»¹. Раевский внедрял в крае, например, виноградные лозы (изабелла); в начале 1840 года он их «сам развез по укреплениям» из садов графа М. С. Воронцова и Никитского ботанического сада (Крым)², сыгравшего, как известно, важную роль в распространении субтропических культур в Крыму и на Кавказе. В этом саду были собраны наилучшие коллекции отечественных и зарубежных растений, в том числе из тропиков и субтропиков.

В 1840 году Раевским, «любителем изящной

¹ Раевский. Записка о торговле с горами, стр. 471.

² Г. И. Филиппсон. Указ. соч. «Русский архив», 1883, кн. 6, стр. 347.

флоры»¹, было положено начало существованию Сухумского ботанического сада, возникшего на базе любительского сада В. П. Багриновского. Сад был взят в военное ведомство и преобразован в «Военно-ботанический сад»². Заведовать им Раевский поручил лекарю 6-го линейного батальона Багриновскому, которого он случайно узнал как ботаника в укреплении Вельямниновском³. Целью Сухумского сада становится: «Служить рассадником для края лучших виноградных лоз, фруктовых деревьев и многих экзотических растений»⁴ — местных и зарубежных. Для ухода за садом Багриновскому ежедневно выделяли по 10 солдат. Сад находился на попечении сухумского коменданта майора Конийского. Если первоначальная площадь сада равнялась 0,5 десятины, то в 1841 году было прибавлено еще 3 десятины⁵.

В устройстве сада в Сухуме большую помощь оказал директор Никитского ботанического сада Н. А. Гартвис, который посылал Раевскому семена и саженцы, а также направил садовника Витмана для организации пи-

¹ Ил. Радожицкий. Взгляд на флору Восточного берега Черного моря. «Журнал садоводства» РОЛС, № 5, М., 1942, стр. 42.

² Там же, стр. 42—43.

³ Г. И. Филиппсон. Указ. соч. «Русский архив», 1883, кн. 6, стр. 347.

⁴ В. Свешников. Из письма о Сухуме, «Кавказ», 23 декабря 1853 г.

⁵ Ил. Радожицкий. Указ. соч., стр. 42.

комника древесных растений¹. Гартвис был знатоком природы и сельского хозяйства Кавказа. В 1837 году он организовал научную экспедицию по побережью Черного моря, которая обследовала Пицунду, Бамбору и Сухум. В 1839 году им направляется вторая экспедиция по Кавказу, в том числе Абхазии. Третья экспедиция была направлена в 1847 году, а четвертая — в 1850 и 1851 годах. Изучая местную флору, члены экспедиции одновременно собирали саженцы для Никитского ботанического сада².

По сведениям К. Д. Мачавариани, ботанические сады «благодаря Раевскому и приглашенному им доктору-садовнику Багриновскому» были устроены также в Бамборе, Пицунде и Гагре³. Н. Н. Раевский уделял большое внимание закладке культурных растений («красивых и полезных») вообще во всех укреплениях береговой линии, израсходовав на это значительную сумму денег⁴. Таким образом, действительно, «среди тех лиц, которые много сделали в деле интродукции растений на Черно-

¹ В. Л. Некрасова. Николай Николаевич Раевский. «Труды Государственного Никитского ботанического сада», Симферополь, 1948, т. XXV, в. 1—2, стр. 188.

² И. Ш. Орагвелидзе. Развитие чайного хозяйства в Грузии, Тбилиси, 1962, стр. 41.

³ К. Мачавариани. Абхазские вина, стр. 1. «Труды» Кавказского общества сельского хозяйства, Тифлис, 1888, № 3.

⁴ Ил. Радожицкий. Указ. соч., стр. 21, 29, 34—35.

морском побережье Кавказа и на южном берегу Крыма, одно из видных мест занимает генерал Н. Н. Раевский (младший)¹.

Н. Н. Раевский рассматривал значение Сухума не только с точки зрения перспектив развития субтропической флоры в крае, но и развития торговли. «Новороссийску, — писал он, — предстает важность как военной гавани; но не менее важности приобретает Сухум торговлею». «...Сухуму, — развивал Раевский свою мысль, — предоставлено быть... центром торговли с окружающими его горами... В настоящем положении дел он (Сухум. — Г. Д.) прекрасный и единственный порт для торговли Западной России с Закавказским краем, Персией и восточную частью Азиатской Турции. Посему развитие торговли в Сухуме неминуемо превзойдет развитие Новороссийска и Геленджика в сем отношении»².

Раевский считал, что на всем пространстве между Геленджиком и границей Азиатской Турции Сухумский рейд — единственный, который может служить для самых мелких и самых больших судов безопасным убежищем во всякое время, так как «рейд сей обширен и закрыт от морского ветра; грунт его надежен: на нем спокойно устояли суда во время губительной бури 30 мая 1818 года». «Сухум, — заключал Раевский, — есть порт Закавказско-

¹ В. Л. Некрасова. Указ. соч., стр. 179.

² Раевский. Записка о торговле с горами, стр. 471.

го край и также важен для Закавказья, как Новороссийск для Кавказской области: ему предназначено, как выше я сказал, быть путем торговли Западной России с Персией и Азиатскою Турциею¹. Он предлагал Сухум сделать местом центрального управления карантинными восточного берега, а также учредить в нем градоначальство.

Вместе с тем с именем Раевского связана первая попытка благоустройства Сухума. По его инициативе в 1840 году приступили к осушению болот в Сухуме, который, упрекал Раевский, в продолжение тридцати лет «не обратил на себя внимания местного начальства»². Для воинских частей, расположенных в Сухуме и страдавших от злокачественной малярии, было начато строительство казарм и госпиталя на холмах, расположенных вблизи Сухумской крепости. В это время, по сообщению Раевского, смертность войск в Сухуме от малярии и других болезней в среднем в год достигала 154 человек (из 659 человек гарнизона).

Все это, ко всему прочему, было направлено на облегчение тяжелой участи солдат. С этой же целью Раевский на береговых укреплениях усиленно распространял культурные растения, считая, что они нужны не только для украшения, но и как средство борьбы с

¹ Раевский. Записка о торговле с горцами, стр. 477.

² Там же, стр. 171.

цингой. Овощи и фрукты, с одной стороны, физическая работа — с другой, были необходимы для здоровья солдат¹. Эти и им подобные меры снискали Раевскому большую популярность среди солдатской массы. Между прочим, в частях Черноморской береговой линии нередко распевалась лихая песня, сложенная в честь бравого генерала еще в период войны с Турциею, когда он командовал Нижегородским полком²:

Наш Раевский храбр и смел,
Льва сомнет за Русь святую;
На скалу, куда крутую,
Соколом взлетел...

Век служил Раевский с нами;
Мы с тобой, отец, штыками
Опрокинем свет.

Н. Н. Раевский принимал меры к изысканию полезных ископаемых в крае, в частности, каменного угля, что могло иметь немалое значение в связи с созданием Черноморского парового флота³. С этой целью он направил во

¹ И. Ш. Орагвелидзе. Указ. соч., стр. 41.

² См. В. Потто. Указ. соч., т. III, стр. 148.

³ Это был период, когда адмирал М. П. Лазарев добивался оснащения Черноморского флота винтовыми пароходами и в связи с этим был озабочен проблемой топлива для судов. (Б. Островский. Указ. соч., стр. 149—150). Он нашел его в районе Северного Дона (Донбасс). Раевский же продолжал поиски угля на Кавказском побережье.

вверенный ему край инженер-капитана Анисимова. Правда, последний успел произвести лишь «поверхностный обзор», но и это было очень важно, поскольку, как писал Раевский, он «доказал возможность рождения каменного угля в этом краю и подтвердил местные сведения жителей. В особенности Абхазия как по естественному образованию страны, так и по причине совершенного спокойствия жителей представляет все удобства для основательных разысканий, которых счастливый результат дает неоценимые выгоды для края, для всей береговой линии и наконец для Черноморского флота»¹.

Возможно, что здесь имеется в виду ставшее известным позднее Ткварчельское месторождение.

Следует, наконец, отметить, что Раевский, как и Зольховский, разделял идеи авторов Проекта создания Российской закавказской комиссии, против которых резко выступал Паскевич.

Приведенные факты достаточно убедительно характеризуют Н. Н. Раевского как прогрессивно настроенного и инициативного, для своего времени, деятеля. В этом, можно сказать, и секрет его традиционной популярности на Кавказе. Но нельзя, однако, и замал-

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, 1840 г., св. 40, д. 104, лл. 8—8 об. Копия с отзыва Н. Н. Раевского начальнику штаба корпуса горных инженеров ген.-м. Чевкину от 4 октября 1840 г.

чивать практическое участие генерала Раевского, в силу его служебного положения, в проведении жестокой завоевательной политики царизма на Кавказе.

Раевский был, конечно, не единственный русский офицер-«кавказец», кого глубоко волновало положение дел на Кавказе и кто подвергал критике порядки в этом крае.

В рассматриваемое время на Кавказе, в войсках Кавказской линии и Черноморья, находился (в годичной командировке), например, молодой гвардейский офицер Д. И. Милютин¹, будущий военный министр России, основные положения мировоззрения которого в 40—50-х годах профессор П. А. Зайончковский определяет следующим образом: «Отрицательное отношение к существующей николаевской действительности и крепостному праву в особенности, предпочтение буржуазных форм общественной жизни»².

Ознакомившись с положением на Кавказе, Милютин также пришел к выводу о необходимости изменить как систему военных действий, так и политику по отношению к горским на-

¹ Д. И. Милютин за свою жизнь служил на Кавказе трижды: в 1839—1840, 1843—1845 и 1856—1860 гг. Но боевого, непосредственного участия в Кавказской войне он почти не принимал, занимая ряд должностей в высших штабах. (Н. И. Беляев. Русско-турецкая война 1877—1878 гг., М., 1956, стр. 20).

² П. Зайончковский. Д. И. Милютин. Биографический очерк. В кн.: «Дневник Д. И. Милютина. 1873—1875», т. I, М., 1947, стр. 20.

родам. Эти мысли нашли свое отражение в его записке «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе», составленной в 1840—1841 годах. Милютин писал: «...Чтобы горцы терпеливо несли иго русского владычества, одно необходимое условие то, чтобы они были убеждены в неприкосновенности их религии, обычаев и образа жизни... Мы должны всеми силами стараться согласовать наше владычество с интересами самих горцев как материальными, так и нравственными... Не в таком духе действовали мы до сих пор на Кавказе... Это заставляет их (горцев. — Г. Д.) смотреть на русских как на рабителей, приходящих к ним для обогащения своего, точно так же, как некогда монголы были для России»¹.

Среди примечательных личностей России второй четверти XIX века, игравших в целом прогрессивную роль по отношению к Абхазии и Черноморью, нельзя не упомянуть И. Т. Радожицкого (1788—1861). Офицер-артиллерист, участник Отечественной войны 1812 года, Радожицкий с 1823 года перешел на службу на Кавказ, приняв затем участие в русско-турецкой войне 1828—1829 годов. С 1839 года он вновь на строевой службе на Кавказе, а в 1850 году выходит в отставку в чине генерал-майора.

И. Т. Радожицкий известен как выдающийся

¹ Цит. по указ. соч. П. Зайончковского, стр. 10—11.

ся ботаник, этнограф, публицист¹. Член «Мирковского общества испытателей природы», И. Т. Радожицкий в «Журнале садоводства» опубликовал свои работы: «Взгляд на флору Восточного берега Черного моря» (1842, № 5; 1843, № 3), «Список экзотическим растениям Сухум-Кальского Военно-ботанического сада, произрастающим открыто» (там же) и другие². Посетив Сухум в 1842 году, Радожицкий ставил вопрос о создании здесь «правильно устроенного сада» с «надлежащими пособиями» и квалифицированными работниками, который мог бы из «первоначально набросанного эскиза» превратиться со временем в «рассадник изящнейших и полезнейших экзотических растений». «Мы бы, — мечтал Радожицкий, — могли иметь свои апельсины, лимоны, миндаль, маслины, хлопчатую бумагу, наилучший табак, может быть, кофе, чай, пробку и множество аптечных растений»³.

В общественной жизни Черноморья в указанный период активную роль играли и многие сыны польского народа, среди которых на-

¹ См. М. О. Косвен. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. КЭС. I, стр. 308; М. А. Полевиков. Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830 гг. Тбилиси, 1946, стр. 45—47.

² См. С. Ю. Липшиц. Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805—1940). М., 1940, стр. 97—98.

³ Ил. Радожицкий. Взгляд на фауну восточного берега Черного моря, стр. 43.

хотелось немало «отличных офицеров и солдат»¹. Это были преимущественно участники польского национально-освободительного движения. Кроме того, из Польши на Кавказ направлялись большие партии рекрутов.

Декабристы, как известно, проявляли живейший интерес к польскому национально-освободительному движению. Русские революционеры зафиксировали в своей программе, что Польша должна стать независимым государством. Пестель в «Русской правде» выражал надежду видеть будущую Польшу республикой. Декабристы призывали поляков действовать совместно против общего врага — самодержавия. И подлинные польские патриоты, естественно, искали союза с русскими революционерами².

В 1828 году на Кавказ были сосланы студенты Виленского университета Ф. Я. Лисовский, А. Ф. Тржасковский и К. И. Зах за принадлежность к тайному политическому обществу³. Им пришлось в основном служить на Черноморской береговой линии, главным образом на территории Абхазии. В 1837 году Лисовский был назначен приставом в

¹ Г. И. Филиппсон. Указ. соч. «Русский архив», 1883, кн. 6, стр. 348.

² «История Польши», т. 1, М., 1956, стр. 524—526.

³ См. В. П. Долгорукий. В рядах драгунского Нижегородского полка. «Русская старина», 1882, т. XXXV, № 8, стр. 447—448; АКАК, т. XII, ч. I, стр. XII; «Архив Раевских», т. III, стр. 189.

Цебельде. Объясняя этот свой выбор, барон Розен писал военному министру А. И. Чернышеву, что прапорщик Лисовский «в продолжении долговременного служения в Абхазии хорошо ознакомился с характером, обычаями здешних народов и может даже объясняться с цебельдинцами на их языке», т. е. на абхазском языке¹.

Лисовский тщательно изучает Цебельду — этот обширный горный район Абхазии, устанавливает с его населением дружественные отношения. Вместе с тем, начиная с 1834 года, ему, «как имеющему основательные сведения в топографии», неоднократно поручалась рекогносцировка других районов — Гагры и ее окрестностей, перевальных путей, а в 1842 году — описание Сванетии. В октябре того же года он с группой местных знатоков горных путей совершил труднейший двухкратный переход через Главный Кавказский хребет — из Абхазии на Лабинскую линию, за что был произведен в следующий чин (капитана)².

В отчетах Лисовского об этих экспедициях, а также в его различных официальных донесениях по начальству содержатся интересные сведения по истории, этнографии и исторической географии Абхазии и сопредельных с ней районов.

Представляют большой интерес и материа-

¹ АКАК, т. VIII, ч. I, № 346, стр. 461.

² ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 910, лл. 1—10.

лы А. Ф. Тржасковского. Например, в его публикации о Гурии дается характеристика сословных отношений Гурийского княжества перед его присоединением к России и тех изменений, которые в этой области произошли после присоединения¹.

Тржасковский в 1838 году был произведен в прапорщики и заведывал канцелярией управляющего Абхазией, Мегрелией и Гурией генерала Эспехо; одно время состоял при абхазском владетеле Миханле Шервашидзе²; в 40-х годах был старшим адъютантом в управлении Черноморской береговой линии; в 50-х годах, будучи отставным майором, управлял имениями жены Н. Н. Раевского (младшего)³.

Особого внимания заслуживает Владислав Иванович Багриновский⁴. Он в 1838 году за участие в тайной польской организации был исключен из Виленской медико-хирургической академии и привлечен к суду по делу о «конарцине»⁵. Багриновский был отдан в солдаты и в числе более чем 20 других студентов-медиков выслан на Кавказ. Здесь он начал службу на Черноморской береговой линии и вскоре обосновался в Сухуме в качестве

лекаря по обслуживанию воинских частей. Как отмечал генерал А. И. Будберг, «всегдашняя его готовность и опытность в лечении местных болезней приобрели ему известность и доверие между туземными жителями»¹. Багриновского возили за несколько десятков верст, в глубь страны, «даже к непокорным горцам», для оказания медицинской помощи². Кстати, в этом отношении Багриновский мог воспринять определенный опыт от своего предшественника — врача Сухумского военного госпиталя, имя которого Ф. Ф. Торнау скрыл под буквой «К». Это был, по характеристике названного автора, «хороший доктор и очень умный человек, пользовался уважением всего сухумского общества... Он был беден и своими трудами не мог ничего нажить...»³.

Багриновский вместе с тем усердно занимался возделыванием сада, на базе которого и возник нынешний Сухумский ботанический сад. Назначенный генералом Раевским в 1840 году заведующим этим садом, он сыграл большую роль в его дальнейшем развитии. М. А. Селезнев, посетивший Сухум в 1841 году, писал, что ботанический сад находится под надзором «умного ботаника, абхазского док⁴

¹ См. газету «Кавказ», № 40, 4 октября 1847 г.

² ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 3, д. 217, 1843 г., л. 10.

³ АКАК, т. XII, ч. I, стр. XII; КЭС, II, стр. 206.

⁴ О нем: АКАК, т. XII, ч. I, стр. III.

⁵ ЦГИА Литовской ССР, ф. 1269, оп. 1, д. 6, лл. 317—324, 429—439.

¹ См. ЦГАГТ, ф. 548, оп. 3, д. 518, лл. 14—16.

² М. С. [М. А. Селезнев]. Руководство к познанию Кавказа, кн. II, М., 1847, стр. 178.

³ [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания кавказского офицера, ч. I, стр. 49.

гора». В устройстве сада Багриновскому содействовало местное население¹.

В 1844 году в Отдельный Кавказский корпус были отправлены солдатами 21 человек, которые являлись «виновными по следственному делу... о существовании в Царстве Польском заговора» в том же году². Очевидно, речь идет о деятельности революционной организации, возглавляемой Петром Снегениным («Заговор Снегениного»)³.

Говоря о польских политических ссыльных на Кавказе в рассматриваемый период, надо подчеркнуть, что некоторые из них продолжали вести активную революционную деятельность, вступая порой в контакт с сосланными сюда же декабристами. Вот два наиболее показательных факта, связанных с ближайшими к Абхазии районами. В архивном фонде Отдельного Кавказского корпуса хранится «Дело штаба Отдельного корпуса по дежурству Особого отделения о патриотических сочинениях, отображенных у нижних чинов — военно-рабочих рот, в Анапе состоящих»⁴. В этом «Деле» имеется рапорт командующего войсками на Кавказской линии и Черноморье генерала А. А. Вельяминова на имя барона Г. В. Розена от 4 ноября 1836 года, в котором говорится, что анап-

¹ М. Селезнев. Указ. соч., стр. 178.

² ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, л. 656, лл. 82—87.

³ См. «История Польши», т. I, стр. 619—620.

⁴ ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 845.

ский комендант граф Н. Е. Щукато 7 сентября того же года представил отобранные у польских солдат 40-й и 41-й военно-рабочих рот «разного рода польские стихотворения, между коими находятся патриотические мотивы и песни», «непозволительные сочинения», на 21 странице¹. Дальше приводится список всех найденных сочинений с указанием лиц, у кого они были изъяты.

Выше были упомянуты Николай Ворцель и Станислав Карвицкий², которые фигурировали в «деле Расевского». Они являлись видными деятелями польского движения, сосланными в качестве солдат на Кавказ, где не прекращали общественной деятельности. Так, в 1831 году Карвицкий, находившийся в Редут-Кале (Кулеви), проходит по политическому процессу в Кутансе³. Декабристы Е. С. Мусин-Пушкин, Н. П. Акулов, А. А. Фок и Карвицкий вместе с другими опальными лицами распространяли «мысли вольные и буйные, одобряют и выхваляют дух буйный некоторых европейских держав»⁴.

¹ ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 845.

² О них: «Декабристы. Новые материалы». Редакция М. К. Азадовского, примечания С. В. Житомирской. М., 1955, стр. 113—114.

³ См. подробнее об этом: ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, лл. 1—54; В. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность, стр. 209—212.

⁴ ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, л. 17 об. Выписка из секретного розыскания по донесениям строительного отряда путей сообщения подпоручика Рельи.

Мы здесь не говорим о тех поляках, которые, как и многие русские солдаты, принимали бескорыстное и активное участие в борьбе кавказских горцев за свою независимость.

Сосланные на Кавказ декабристы и их единомышленники продолжали оставаться на идейных позициях, характерных для русских дворянских революционеров. Они, конечно, были далеки от народных масс, их коренных интересов. Но эти декабристы, как и вся их плеяда, являлись теми передовыми деятелями своего времени, которые, по словам В. И. Ленина, «помогли разбудить народ»¹. Они, как прогрессивные люди России, осуждали реакционную политику царизма на Кавказе, сочувственно относились к борьбе его народов за свою свободу, против социального и национального гнета. Они ратовали за тесное содружество русского народа с народами Кавказа, за их экономическое и культурное развитие. Их пребывание на кавказской земле оставило памятный след в ее истории.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 398.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Айвазовский И. К. — 86, 88
Акулов Н. П. — 12, 111
Александр I — 8
Андреев В. — 8, 47
Анисимов — 102
Антонович П. А. — 95
Астафьев — 91
Ахлестышев Д. Д. — 34
Ахундов М. Ф. — 53, 54, 65, 69
Аш И. К. — 73
- Багриновский В. И. — 97, 108, 110
Баженов П. К. — 11
Белл Д. С. — 37, 38
Бенкендорф А. Х. — 57
Бестужев-Марлинский А. А. — 3, 20, 30, 36, 38, 43—46, 50, 52—54, 56—58, 60, 62—66, 69
Бестужев М. А. — 56, 62
Бестужев Н. А. — 23, 56, 62
Бестужев П. А. — 18, 20, 21, 50, 56
Броневский С. М. — 49
Еудберг А. И. — 109
- Вейденбаум Е. Г. — 87
Вельяминов А. А. — 44, 110
Витман — 97
Волконский С. Г. — 78
Вольховский В. Д. — 53, 65, 68—72, 102
Воронцов М. С. — 62, 96
Ворцель Н. С. — 87, 111

Гартвис Н. А. — 97, 98
Гастфрейнд Н. — 71
Гернет М. Н. — 8
Герцен А. И. — 43
Гессе К. Ф. — 34
Гибаль Поль — 15
Голицын А. И. — 54
Головин Е. А. — 17, 89, 93, 95
Граббе П. Х. — 93
Гревцев А. Т. — 32
Греч Н. И. — 52
Грибоедов А. С. — 3, 43, 69

Даву Л. Н. — 77
Данзас К. К. — 44, 86
Данкевич-Пушкина Н. А. — 26
Делба В. М. — 51
Деллинггер — 46
Дзидзария Г. А. — 4, 5
Додашвили С. — 64
Дюбуа М. Ф. — 19, 26, 27, 29, 55

Екатерина II — 78

Жуковский В. А. — 77

Загорецкий Н. А. — 66, 85
Зах К. И. — 106
Зайончковский П. А. — 103
Зайцевский Е. П. — 83, 84
Звамба С. Т. — 31, 50—53, 65, 69, 70

Игельстром К. Г. — 85

Каменский П. П. — 50
Карвицкий С. С. — 87, 111
Копийский — 97
Корилов В. А. — 86
Костенцкий Я. И. — 54
Кривцов С. И. — 21—26, 29—31

Лазарев М. П. — 81, 82, 86, 101
Лермонтов М. Ю. — 3, 66
Лисовский Ф. Я. — 47, 106, 107
Лихарев В. Н. — 85
Лорер Н. И. — 37, 77, 85, 89

Маркс К. — 20, 37
Маршанья Х. — 40
Мачавариани К. Д. — 17, 98
Милютин Д. И. — 103, 104
Мочульский В. И. — 14
Мусин-Пушкин Е. С. — 42, 411

Наполеон I — 42, 43
Нарышкин М. И. — 85
Нахимов С. П. — 86
Николай I — 12, 33, 42, 43, 60, 62, 70, 93
Новицкий Г. В. — 73
Ногмов Ш. Б. — 52
Норденстам И. И. — 63
Нордман А. Д. — 46, 47
Норов А. С. — 42
Норов В. С. — 31—33, 36, 37, 43, 53, 65

Огарев Н. П. — 85
Одоевский А. И. — 3, 48, 66, 67, 85
Ольшевский М. М. — 59

Паскевич И. Ф. — 33, 34, 68, 87
Пацовский — 12
Пестель П. И. — 106
Песталони И. Г. — 22
Полевой К. А. — 57, 64
Полевой Н. А. — 46, 57
Пушкин А. С. — 3, 42—44, 53, 54, 68, 77, 78, 85, 86
Пушкин Л. С. — 85, 95

Радожицкий И. Т. — 104, 105
Раевский А. Н. — 77
Раевская М. Н. — 78

Раевский Н. Н. (мл.) — 9, 17, 60, 77—80, 82, 85,
87—103, 108

Раевский Н. Н. (ст.) — 77, 78

Ракович — 14

Розен А. Е. — 13

Розен Г. В. — 16, 32, 53, 65, 68, 70, 110

Рылсев К. Ф. — 43

Сафонов С. В. — 35, 36, 47, 58

Селезнев М. А. — 109

Скасси Р. А. — 41

Смоленский С. — 25

Спенсер Э. — 10, 47, 48, 59

Стеганный П. — 110

Толстой Л. Н. — 3

Торнау Ф. Ф. — 40, 70, 72, 74, 75, 76, 109

Торопов Н. — 10

Тржасковский А. Ф. — 106, 108

Тропинин В. А. — 80

Филипсон Г. И. — 10, 59, 78, 95

Фок А. А. — 12, 111

Ховен Х. Х. — 74

Цукато Н. Е. — 111

Чадаев П. Я. — 42

Чавчавадзе А. Г. — 64, 79

Черкасов А. И. — 85

Чернецов Н. Г. — 35, 36, 61

Чернышев А. И. — 17, 90, 91, 94, 95, 107

Чернышев Э. Г. — 26, 87

Чилев (Чилашвили) Б. Г. — 63, 64

Чилев (Чилашвили) Е. Г. — 64

Шамиль — 15, 60

Шакрыл Н. Н. — 31, 74, 75

Шаховский И. В. — 73

Шервашидзе Келешбей — 49

Шервашидзе М. Г. — 39, 95, 108

Шервашидзе Сафарбей (Георгий) — 39

Щербина Ф. А. — 79

Эспехо Я. М. — 108